

АЛЛА ХОЛОД

ДЕВОЧКА
*из
провинции*

ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Психология преступления

Алла Холод

Девочка из провинции

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холод А.

Девочка из провинции / А. Холод — «Эксмо»,
2017 — (Психология преступления)

ISBN 978-5-699-96619-6

Больше всего на свете Катя Скворцова боялась, что любимый Дима может ее бросить. Он слишком привлекателен, и за свое счастье рядом с ним нужно бороться! Ведь Катя не слепая и прекрасно видит, что в их паре любит она, а Дима лишь позволяет себя любить. Значит, в любой момент их непрочная связь может оборваться... А ведь Катя готова посвятить Диме всю жизнь и пойти для него буквально на все! Ради любимого она готова измениться до неузнаваемости и бросить вызов всему миру. Так милая, но совершенно обычная девушка незаметно начинает превращаться в настоящее чудовище...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96619-6

© Холод А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	33
Глава 5	37
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алла Холод

Девочка из провинции

Часть 1

Глава 1

«Все! Эта часть моей жизни закончилась, эту страницу я закрыла, – подумала Катя, вздохнула и резюмировала: – На все воля Божья».

Свои вещи она уже давно перевезла в город, в дом дяди Бориса, и на новом месте успела обустроиться, так что сегодня к автовокзалу шла налегке. Она приезжала доделать последние дела: забрать трудовую книжку из больницы, а заодно со всеми по-человечески попрощаться: с девчонками, докторами, с Сергеем Ивановичем из общей хирургии. Прощание с ним, правда, вышло скомканным, не таким оно должно быть у людей, которые какое-то время состояли в отношениях. Хотя чего вздыхать? У Сергея Ивановича семья, совместных перспектив все равно не было, так что жалеть, собственно, не о чем.

Вчера Катя навестила папу, убралась у него, посадила цветочки, расставила по местам перевернувшиеся во время недавней непогоды венки. Памятник до года ставить, говорят, нельзя, так что дальше они уже вместе с дядей Борисом будут думать. Это дело не сегодняшнего дня, этим они займутся следующим летом. Нельзя сказать, чтобы смерть отца потрясла Катю: папа болел долго, онкологический диагноз и стадия заболевания не давали поводов для оптимизма. Катя была готова к тому, что в свои двадцать четыре года останется круглой сиротой. Она уговаривала себя, собирала душевные силы, и когда самое страшное случилось, Катя встретила свою горе достойно, без истерики.

Прощаться с родным городом было легко. А если бы не смерть папы, то, наверное, еще и радостно. Катя шла по улице с небольшой сумкой через плечо и думала, что если бы она писала стихи, то сейчас обязательно сочинила бы что-нибудь, начинающееся строками: «Прощай, родное захолустье».

Кто вообще придумал гордо именовать райцентры «городами»? Какое имеют право так называться эти населенные пункты? Катя была убеждена, что райцентр так и должен называться – районный центр. Не деревня, конечно, но и не город. Уж точно не город! Этот населенный пункт вообще не поймешь что. И это «не поймешь что» должно так же унижительно именоваться – райцентр. Конечно, в их так называемом городе была своя районная больница, где работал папа и где работала сама Катя. Был свой медицинский колледж, который Катя окончила, было несколько довольно крупных перерабатывающих предприятий и – сложно поверить! – даже свой крошечный драматический театр. Цивилизация выражалась также в наличии библиотеки, в которой организован литературный клуб (подумать только!), и даже собственного городского детективного агентства. Это было совсем из ряда вон: кто и что у них расследует, интересно знать? Похищение кур со двора тети Маши или наезды на коммерческий киоск, торгующий жвачкой и сигаретами? Смешно же ведь, правда?

Тренды, которые заносило сюда с «большой земли», реализовались в архитектурных изысках, что позволяли себе местные богатеи, да еще, пожалуй, в одном-единственном ресторанчике, который действительно мог бы выглядеть весьма стильно, если бы с ним не соседствовали унылые серые здания времен догребачевской эпохи.

Центром городка считалась улица, на которой располагались официальные учреждения: прокуратура, районный суд, администрация, два филиала разных банков, медицинский кол-

ледж. Была и угаженная голубями площадь с фонтаном, которую летом заваливало сугробами тополиного пуха и на которой располагался театр. В последнее время местные власти привели в более или менее божеский вид единственный городской парк, в котором раньше и в будни, и в выходные только пили и дрались. Теперь в парке местные казаки стали отмечать свои Спасы и другие казачьи праздники с кулачными боями, джигитовкой, перетягиванием каната и горячей кашей из полевой кухни. Правда, все это тоже заканчивалось пьянкой и дракой, но хотя бы начиналось хорошо и весело.

Нельзя сказать, чтобы местная администрация совсем не благоустраивала город: в некоторых местах устанавливали клумбы, украшенные скульптурными ансамблями, – правда, не всегда было понятно, что именно эти конструкции изображают. В остальном райцентр оставался настоящей деревней, где кудахтали куры и хрюкали свинюшки. И единственной приличной дорогой была та, которая вела в областной центр – город с миллионным населением. Туда, куда рано или поздно перебирались все, у кого были хоть какие-то планы на жизнь.

Если бы не смерть отца, которая по определению не может быть расценена как толчок к новой жизни, то можно было бы считать, что Кате несказанно, просто удивительно повезло. Ее, двадцатичетырехлетнюю сироту, решил забрать к себе в город папин старший брат.

А дядя Борис – совсем не то что папа! Он по-настоящему успешный человек, который многого достиг в жизни. Это папа довольствовался должностью заместителя главного врача в районной больнице. И он, и давно покойная мама любили тишину глухой провинции. Ходили в лес за грибами, папа удил рыбу, мама выращивала смородину, клубнику и каждый год варила из своих ягод варенье. Родителям нравилась такая жизнь, спокойная и уединенная, на чистом воздухе, вдали от городского смога и суеты.

Дядя Борис после учебы в родные пенаты не вернулся, остался в большом городе, сделал блестящую карьеру, стал заметным руководителем. Все в нем выдавало успешного человека: стройный и подтянутый, несмотря на возраст, дорогой костюм, благородная седина в идеально подстриженных волосах. Уверенность и успех читались в каждом движении, в том, как он выходил из своего сверкающего джипа, как широко улыбался, не стесняясь демонстрировать зубы, слишком хорошие, чтобы быть настоящими.

При жизни папы братья виделись не очень часто. Летом дядя Борис иногда приезжал на малую родину отдохнуть и порыбачить. Или Катя с отцом проводывали его, когда ездили в областной центр за необходимыми покупками и по делам.

У дяди Бориса был прекрасный двухэтажный дом с участком, красивая жена, моложе его на десять лет, и дочь. Год назад у дяди случилась серьезная семейная драма. Все дело было в его супруге – Регине. Она вышла за Бориса замуж, когда ей еще не исполнилось и двадцати, сразу же родила дочь, а затем, посчитав свой долг исполненным, занялась собой.

Она была очень эффектной женщиной, но очень избалованной. Ее красота требовала особого отношения, и обходилась жена дяде Борису очень недешево. Но не это главное. Регина категорически не хотела жить в России. В родной стране ее раздражало все. Зимой она не выносила мороза и снега, потому что приходилось носить зимние сапоги, а изящную обувь на тонких каблучках прятать до следующего сезона. Летнюю жару она могла пережить только в городе, где есть море. А периоды межсезонья повергали Регину в ужасную депрессию. Терпеть родной климат она соглашалась только в начале осени и конце весны.

Все долгие годы совместной жизни супруга пилила Бориса на предмет переезда в любую европейскую страну: хоть в Чехию, хоть в Испанию, хоть в Германию. Но Борис был непреклонен, он не видел себя вне пределов родного города. Он даже в Москву никогда не рвался, считал, что грамотно выстроить успешную карьеру может только там, где он живет сейчас.

Его жизненные успехи только подтверждали правильность такого подхода, но и Регина своих позиций не меняла. Маялась в России, утверждая, что нет ей счастья в родной стране.

Борис много работал и отдыхать за рубежом позволял себе лишь два раза в год: зимой и летом. А жена готова была мотаться за границу беспрестанно. В конце концов Борис ее проглядел. Год назад выяснилось, что у Регины серьезный роман с состоятельным испанцем, который длится уже третий год. Женщина ждала совершеннолетия дочери и вот теперь приняла окончательное решение. Борису она сообщила о разрыве легко и непринужденно, сказав что-то вроде: «Ничего личного, милый, ты же знаешь, что мне нужно было изменить место жительства, здесь жить я не могу». И уехала. Разумеется, вместе с дочерью, которая с папой простилась тоже весьма прохладно.

Борис был раздавлен. Он считал свою жену избалованной красавицей, которой нравится носиться по европейским магазинам, ресторанам, театрам и курортам. Он не ожидал, что ее цель уехать из страны настолько четко сформулирована и обязательна для выполнения.

После отбытия жены и дочери в Барселону Борис затосковал. Он всю жизнь работал, много зарабатывал, стремился зарабатывать еще больше (образ жизни Регины стоил немалых затрат), и вот теперь он выстроил здание с прочным фундаментом, но для кого? Для кого он трудился? Кому теперь все это передать? Жениться снова? Он еще не стар, очень хорошо выглядит и вполне может найти себе пару. Но каждую минуту он будет думать, что избран не за душевные качества и не из-за мужской привлекательности. Во всякой новой женщине он будет искать корыстный мотив, желание припасть к стабильному источнику материального благополучия.

Борис попробовал раз, попробовал другой. Его подозрения подтвердились, и он почувствовал, что устал. А тут пришло известие, что брат смертельно болен, что дни его сочтены. Когда Алексей умер, Борис уже принял решение относительно судьбы своей племянницы Кати.

И пусть Катя была взрослой, окончила медицинский колледж, работала медсестрой в районной больнице. У нее имелось и жилье, и профессия. Она бы не пропала, не умерла с голоду. Но каково это молодой девушке – остаться одной на всем свете!

Борису племянницу было жалко, очень жалко. Да и он остался один в большом доме. Все его домашнее общение – домработница да две кошки. Тоска. Ведь кроме горячего ужина, сытного завтрака, чистоты и порядка хочется иметь в доме родную душу. После похорон брата Борис сделал Кате предложение переезжать в город. Он один, о новой семье пока речь не идет, а если такой вопрос и встанет, то дом большой – места хватит всем. Катя согласилась.

И вот сегодня настал момент прощания с прежней жизнью. Вещи Катя собирала, еще окутанная горем и тем печальным облаком, которое окружает человека, пережившего смерть кого-то из близких. Много с собой дядя брать не велел, все равно в городе придется покупать все новое, о том, чтобы там ходить в тех же вещах, не могло быть и речи. Так что Катя взяла большей частью то, что было дорого ее сердцу, погрузила в машину и отправилась обустраиваться на новом месте.

Попрощаться по-настоящему тогда не получилось, а вот сейчас очень захотелось. Твердо веря в то, что в ее жизни открывается новая страница, Катя великодушно простила своему захолюстью все, что ее раздражало ранее: и усиженную голубями площадь, и тополиный пух, от которого не спасали даже очки, и козьи экскременты на дороге, и ежевечернюю беспросветную скуку, и свой убогий домишко, который папа с мамой почему-то считали уютным и светлым. Катя даже сделала крюк и дошла до обрыва, с которого открывался вид на реку Сороку.

Еще несколько лет назад река была полноводной, со стремительным течением. Сейчас берега заросли, русло пока еще широкое, но если процесс пойдет дальше, – обмелеет, зарастет. Но пока что смотреть на нее приятно, и воздух тут – единственная правда, с которой Катя согласна – чистый, вкусный, остро пахнущий травами и полевыми цветами. И птицы поют оглушительно, звуки их концерта переливаются, звенят в насыщенном солнечным светом воздухе, одни рулады сменяются другими, еще более изощренными. Катя прошла мимо церкви, перекрестилась, но заходить не стала, а то ведь так и на автобус опоздать не долго.

Она сказала дяде, что уедет на пару дней и вернется самостоятельно. Будет без вещей, так что приезжать за ней не нужно и машину посылать тоже. Не барыня, сама доберется. Четыре часа езды в рейсовом автобусе, конечно, мучение, но Кате не хотелось с первых же дней своей новой жизни становиться дяде обузой, нагружать его своими проблемами. Не надо, чтобы он чувствовал, что взвалил на себя тяжкий груз. Она не будет грузом. Она – легкая.

Катя еще раз полной грудью вдохнула звящего сладкого воздуха и решительно пошла к автовокзалу. За билетом стоять не надо, она взяла его еще вчера, но все равно – до отправления автобуса осталось всего десять минут. А ей хотелось перед отъездом успеть съесть мороженое. Ехать далеко, она наверняка проголодается.

А через четыре часа начнется ее новая жизнь. Интересная, насыщенная, полная событий и смысла.

Катя ошибалась. Ее новая жизнь началась уже через несколько минут.

– Ну, как всегда! Да что же это делается-то?! Не все же на прогулку в город катаются! В конце концов, люди же торопятся, – громко возмущалась смутно знакомая тетка в чем-то голубом, – уже не первый раз ведь ломается. Новые автобусы купите, если эти не ездят!

Тетка обращалась в никуда. Тех, кому эти слова могли бы предназначаться, вокруг не было. Только пассажиры, которым объявили, что автобус находится на станции техобслуживания и рейс задерживается как минимум на час. Остальные пассажиры кто тихо бормотал что-то недовольное, а кто и вовсе воспринял неприятную новость без видимой реакции. В таком богом забытом местечке время имеет свой ход, свою скорость, отличную от ритма больших городов. И даже если жители мегаполисов стали стоически относиться к наличию пробок и планировать свое время с учетом непредвиденных транспортных осложнений, то уж здесь-то...

Народ еще немного потолкался у места посадки и стал потихоньку рассасываться. Чего на солнцепеке торчать? Катя тоже прикидывала, куда податься и как скоротать внезапно образовавшуюся дыру в графике. Дом она закрыла, ключи отдала соседке. Да и возвращаться туда не имело смысла – расстояние немаленькое.

– На сколько задерживают? На час? Ох, а я думал, что опоздал уже, – слышался сзади приятный мужской голос.

Катя обернулась. Молодой человек в белой майке и джинсах стоял к ней спиной, а недовольная тетка в голубом поясняла ему подробности насчет задержки рейса и грозно прогнозировала, что где час – там и два. А то и все три.

– Да уж, неприятно, – подтвердил парень, глядя на часы.

У молодого человека были короткостриженные черные волосы, широкие плечи, туго обтянутые ослепительно-белой футболкой. Кто же ездит в таких белых одеяниях на рейсовых автобусах, скажите на милость?

Этого парня Катя явно не знала. Хотя вообще-то она считала, что знает чуть ли не всех, ведь работала в районной больнице. Ей почему-то захотелось обогнать незнакомца и посмотреть, что это за птица такая в белом оперении.

Но парень обернулся сам, будто почувствовал ее любопытный взгляд.

Если у Екатерины Алексеевны Скворцовой, двадцати четырех лет от роду, русской, образование среднее специальное, и была до сих пор какая-то жизнь, если у нее и имелись планы на жизнь будущую, то в ту самую минуту эти планы перестали существовать. В груди у Кати что-то болезненно екнуло. А потом внутри будто затикал некий новый механизм – тук-тук-тук... Как электронные часы. Или подобным образом тикает адская начинка во взрывном устройстве? Да-да, точно, так показывают в кино. Не тук-тук-тук. А именно тик-тик-тик...

Высокий молодой человек стоял на самом солнечном месте. Май выдался на редкость жарким, а Катя как раз сняла защитные очки, чтобы по-быстрому протереть их подолом юбки. Но она видела, что на нее смотрят смешливые зеленые глаза, казалось, что молодой человек ничуть не расстроился от прискорбного факта, что автобуса придется ждать.

Говорят, что от удивительного зрелища у человека отвисает челюсть, сама Катя ни разу не видела, чтобы не фигурально выражаясь, а вполне реально у кого-либо такое происходило с лицом. Но, судя по тому, что молодой человек весело заулыбался, с Катей произошло именно это. Ее взгляд сфокусировался в одной точке, которая почему-то совпала со светло-зелеными прозрачными глазами парня, а нижняя челюсть неумолимо поехала вниз. Катя застыла и пришла в себя, только когда незнакомец, снова весело улыбнувшись, сделал перед ее глазами несколько горизонтальных движений рукой – как делают невропатологи.

– Эй, девушка, вы здесь? – сопровождал свои действия вопросом удивительный молодой человек. – Это всего лишь автобус и всего лишь задержка рейса. Ничего страшного пока не произошло.

Катя встрепенулась. Постаралась стряхнуть наваждение. Парень смотрел на нее и улыбался. Никогда в жизни ее взгляду не представлялось ничего, что могло бы сравниться с этим зрелищем. Откуда здесь этот молодой человек невиданной красоты? Что он делает на захламленном вокзале их городка? Он казался здесь столь же неуместным и неожиданным, как... Нет, Катя не смогла бы найти сравнения. Она же не поэт, в конце концов, а о таких явлениях нужно говорить либо стихами, либо не говорить ничего, молчать.

– Да, да, я в курсе насчет автобуса, – пролепетала она.

– Что ж делать, придется ждать, – отозвался он и добавил: – Жарко сегодня.

Затем покрутил головой, видимо прикидывая, куда податься. И снова посмотрел на Катю.

– Не стойте на самом солнце. Сгорите, – сказал он и сделал движение в сторону, собираясь отойти.

Катя внезапно испугалась, что он уйдет, и выпалила:

– Почему это я обязательно сгорю?

– Такие, как вы, быстро сгорают, – многозначительно сказал парень и снова улыбнулся.

– Какие это – такие?

– Такие, как вы! – воскликнул красавец. – Таких белокожих девушек солнце не щадит.

Внезапно еще более глупо, чем отвисшая челюсть, поступили щеки – вмиг сделались пунцовыми.

– Ну вот, вы уже на пути к этому, – сказал парень, неправильно истолковав внезапный прилив крови, – пойдемте в тень куда-нибудь, а то изжаримся.

Они отошли от мест посадки, молча прошли метров двадцать, и Катя наконец прервала молчание.

– Откуда вы здесь? Вы же не здесь живете?

– Почему вы так подумали? – усмехнулся он, но ответил: – Я еду в город. Я там живу.

А раньше жил здесь.

– Не может быть, – отрезала Катя.

– Почему это?

– Потому что я вас не знаю. Я вас никогда раньше не видела, – объяснила она.

– А вы что же, работаете в паспортном столе? Всех местных жителей знаете?

– Нет, не в паспортном, – мотнула головой Катя, – я в больнице работаю. Вернее, работала. Поэтому перед моими глазами много народу проходит. Вернее, проходило.

– В прошедшем времени? – уточнил парень. – Переехали в город?

– Да, только-только переехала. А вы?

– Я давно отсюда уехал, семь лет уже, – объяснил он, – год армии, потом пять лет учеба, уже год работаю. Сюда приезжаю матушку провести.

– Понятно, – кивнула Катя.

Они снова замолчали. И Катя снова испугалась, что незнакомец уже выбрал, где ему скоротать часок, и сейчас же развернется и уйдет.

– Почему же я вас не знаю, в какой школе вы учились?

– Да я из Шуберского. Там и закончил школу. Вот поэтому вы меня и не знаете, вот так все просто.

Парень помялся еще минуту.

– Тебя как зовут? – спросил он, внезапно переходя на «ты».

– Катя.

– А я Дима. Ну так что, Катя, надо как-то час скоротать. Предлагать девушке попить пива было бы невежливо. Может, у тебя какие-то предложения?

– Почему невежливо? – встрепенулась Катя, у которой не было никаких предложений. – Я в такую жару с удовольствием выпила бы чего-нибудь холодного.

– Ну тогда пошли.

Молодые люди миновали прилегающие к автовокзалу территории, Дима объяснил, что пить пиво на вокзале с приличной девушкой никуда не годится. Катя же готова была пить все, что угодно и где угодно, лишь бы не отрывать взгляда от лица нового знакомого.

В конце концов они пересекли улицу, потом еще одну и устроились в летнем кафе под тентом. Сервис заведение имело вполне на уровне – между стойкой и ближайшими к ней столиками вращался вентилятор. Туда они и уселись. Теперь Катя могла разглядеть молодого человека получше. У него действительно были светло-зеленые глаза – это ей не показалось, – а ресницы и брови черные. Широкие скулы. Откуда мог взяться здесь такой персонаж? Слишком уж выделялся среди местных. Уж это Катя могла сказать с уверенностью.

За пивом, которого девушка осилила только половину кружки, она узнала все, что хотела. Дима окончил ветеринарный факультет сельскохозяйственной академии, в родные места не вернулся, остался в областном центре и работает в частной ветеринарной клинике.

– Таким, как ты, нужно работать на телевидении или где-то в рекламе, – сказала Катя, несколько удивленная прозаичной профессией нового знакомого.

– Почему ты так думаешь? – в свою очередь удивился молодой человек.

– У тебя внешность подходящая, – как можно более равнодушно ответила она, снова предательски заливаясь краской.

Дима засмеялся. Заразительно, от души, ничуть не смутившись комплиментом.

– Мне говорили об этом, – как ни в чем не бывало ответил он, – и даже предлагали работу.

– Да ты что? – воскликнула девушка. – На телевидении?

– Ага, – подтвердил Дима.

– И что?

– А то, что внешность у меня, как ты говоришь, подходящая, а куража нет. Так мне сказали.

– А что тебе предлагали? – поинтересовалась Катя.

– Вести утреннюю программу, – ответил Дима, – развлекать народ. Но я думаю, что это не мое.

– А делать собачкам прививки – твое? – усмехнулась девушка.

– Я люблю собак, и кошек тоже, – невозмутимо ответил Дима, – и на работу хожу с удовольствием. Что ж, ты думаешь, в моей профессии нельзя успеха достичь?

– Это какого же, например?

– Как это – какого? – удивился Дима. – Когда-нибудь у меня будет своя клиника. Современная и оборудованная. И ко мне будут привозить животных со всего города. И поверь мне, это будут очень хорошие деньги.

Но выяснилось, что пока до свершения этих радужных перспектив далеко. И живет Дима в общежитии. Но главное, что поняла Катя: ее новый знакомый неисчерпаемый оптимист, умный и добрый парень, который обязательно добьется всего, чего он хочет.

Через час они вернулись на автовокзал, но рейс снова перенесли – теперь уже ненадолго, всего на полчаса. До города молодые люди ехали рядом. Разговаривали, расспрашивали друг

о друге, обменялись телефонами, а потом Диму сморило. Сначала он просто закрыл глаза. Потом дыхание его стало ровным и тихим, ресницы перестали подрагивать. Катя смотрела на него не отрываясь. Пока Дима спал, она осторожно притронулась к его руке, так, чтобы, если он проснется, можно было выдать это прикосновение за случайное. Но парень не проснулся, тогда она положила голову ему на плечо и сделала вид, что тоже спит. Но на самом деле не спала ни минуты. Она вдыхала его запах и всю дорогу до города внимательно прислушивалась к механизму, который заработал у нее внутри. Тик-тик-тик...

Глава 2

– Дядя Боря, у меня не получается, все-таки ты должен мне помочь, – канючила Катя, – ты обещал мне, что если у меня у самой не получится, то мы обязательно сядем и поговорим, посоветуемся.

– Момент все-таки настал? – покивал Борис Георгиевич. – Я думал, ты пока отойдешь, успокоишься, осмотришься немного. Но если ты готова, давай сядем да поговорим.

Катя быстро убрала со стола тарелки, сложила их на специальный столик на колесиках и понеслась в кухню. Она потом положит все это кухонное добро в посудомоечную машину. А пока надо поговорить с дядей. Он вкусно поел, зная, что ужин готовила Катя, похвалил ее не один раз: и за жареные перчики с чесноком, и за котлеты из птицы. Даже поинтересовался, почему обычные куриные котлеты не такие пышные и вкусные. А секрет был прост: Катя сделала фарш из курицы и из индейки пополам, потому что фарш из одной курицы получается суховат, а из одной индейки – наоборот, жидковат. Если же смешать два вида птицы, выходит не только идеальный по консистенции фарш, но и достигается полная вкусовая гармония. Дядя Борис ее ужин ел с удовольствием, и котлет умял штук пять – было от чего возгордиться. И сейчас Катя загрузила в кофемашину самую лучшую, самую дорогую арабику, достала австрийское печенье с орехами, конфеты с марципановой начинкой, налила сливок и повезла благоухающий свежесваренный кофе в гостиную. Коньячок дядя Боря достанет сам, если ему так захочется. Предлагать спиртное дядюшке Катя считала неуместным.

Борис Георгиевич действительно пребывал в умиротворенном состоянии, увидев Катю с сервировочным столиком, встал, улыбнулся, подошел к бару и достал два пузатых бокала и свой любимый коньяк.

– Ну что, Катюша, по кофейку да по коньячку?

– С удовольствием.

Катя уже два дня выискивала время поговорить с дядей, но никак не удавалось. Днем он всегда занят, а вечером то к нему кто-то приезжал, то он подолгу разговаривал по телефону в своем кабинете. У него были важные дела, не хотелось лезть со своими соплями к занятому человеку. Но вот сейчас, кажется, момент настал.

– В чем твои сомнения, девочка? – начал дядя. – Ты говори, как можешь, я пойму.

– Понимаешь, дядя, – сосредоточилась Катя, – у меня проблема. И она в том, что я не знаю, чего я хочу.

– Очень хорошо, – кивнул Борис, – ты еще очень юная, и это не катастрофа. Продолжай.

– Понимаешь, мне всегда хотелось жить в большом городе, – продолжала Катя, – я удивлялась маме с папой, почему они, такие умные и образованные, не бегут из нашего захолустья. Когда мама погибла, мне стало понятно, что один папа уж точно никогда и никуда не поедет, будет доживать там, где проходила их жизнь. Его и болезнь подкосила, мне кажется, после того, как мама утонула. Я читала, что рак часто поражает людей, которые теряют жизненную основу. Не тех, кто просто страдает от стресса, а тех, у кого именно потеряна почва под ногами. Есть такие наблюдения. Ну ладно, мы сейчас не об этом. Просто уехать от папы, когда он остался без мамы, мне казалось кошунственным. И я уже почти смирилась с тем, что моя жизнь пройдет там, у нас. Я боялась этого, но понимала, что так может произойти. Но все случилось иначе. Папа умер, я здесь, у тебя, но я совершенно не знаю, что мне делать. Если честно, я просто растерялась. Я не знаю, чего хочу. Я могу пойти работать по специальности. И знаю, что ты обещал в этом случае устроить меня на хорошее место. Вроде бы это отличный вариант, но я думаю вот о чем. Неужели судьба дала мне такой шанс – я имею в виду твою помощь, а я его использую только лишь для того, чтобы сменить районную больницу на областную? Или на городскую, какая разница... Я думала о том, чтобы сменить род занятий, может быть, освоить

новую профессию. Такую, которая бы дала мне новые ориентиры... Но я так привыкла, что ставлю капельницы, делаю уколы и меняю повязки, и мне кажется, что я уже просто не понимаю, могу ли я заниматься чем-то еще? Я растеряна, дядя, я не могу себя найти.

– Ну что ж, Катенька, большой город – это своего рода ловушка, – ответил дядя, прихлебывая из чашки кофе со сливками, – это тоже испытание. Когда я говорил тебе, что помогу, я имел в виду несколько другое. У меня есть некоторые возможности, даже, прямо скажем, не маленькие возможности, но решить за тебя, чего ты хочешь, я не могу. Я могу помочь, если ты выберешь какой-то вуз, я могу помочь, если речь пойдет о трудоустройстве. Но чего ты хочешь в этой жизни, решать не мне. Такой выбор человек должен делать самостоятельно. Только ты сама можешь почувствовать, чем ты хочешь заниматься и по какому пути идти.

– Что же мне делать? – вздохнула Катя. – Ведь в том-то и дело, что я пока не знаю, чего я хочу.

– Это бывает. Такое случается с людьми и куда более взрослыми и опытными, – успокоил ее дядя, – ты пока не торопись. Во-первых, ты еще не совсем оправилась от горя и не все стороны жизни готова воспринимать с позитивной стороны. Во-вторых, ты оказалась в новом месте, в новых условиях и обстоятельствах. Тебе пока трудно разобраться. Здесь нет привычного коллектива людей, с которым бы ты могла советоваться, которому могла бы доверять. Пока твой круг общения не сложится, ты будешь чувствовать себя одинокой. И вот тут я тебе помогу. Я познакомлю тебя с семьей моих дальних родственников, ты их не знаешь, у них тоже девчонка вроде тебя. Она, правда, с завихрениями, но может, это только нам, старикам, так кажется.

– Какой же ты старик? Скажешь тоже! – возмутилась Катя.

– Ну, я это так – фигурально выражаясь, – с удовольствием исправился Борис Георгиевич. – В общем, погоди, не торопи события, осмотришься в городе, почувствуй его атмосферу. Ты здесь всегда бывала как гостя, не забывай об этом. Научись смотреть на себя по-другому. Пойми, что отныне здесь твоя жизнь. Давай, Катюша, не унывай. Работай над собой.

Катя только и знала, что работала над собой. Вот уже почти две недели она входила в роль жительницы большого города, пыталась менять, как учил дядя Борис, угол зрения. Она не кинулась сломя голову опустошать магазины, сметая с прилавков все подряд, хотя дядя Борис дал ей весьма приличную сумму на смену гардероба. К тому же Катя плохо ориентировалась в городе и знала только те места, в которых ей покупали одежду раньше. Но теперь туда путь заказан, даже подходить к ярмарке, где из каждого павильона несет зловонием самой дешевой турецкой кожи, она не будет. И Катя направилась в самый модный торговый центр, равных которому, как ей объяснил дядя, в городе не было.

Она долго бродила по магазину, изучая названия бутиков. Равнодушно прошла мимо брендов самых крутых дизайнеров, полагая такие наряды совершенно неуместными для себя. И наконец нашла хороший магазин немецкой одежды. К счастью, фигура у Кати была образцовой, и хорошие вещи сидели на ней так, будто шились исключительно для нее. Она честно объяснила свою проблему продавщице и та, умничка, предложила девушке все, что было нужно для жаркого лета.

Катя вышла из магазина в приподнятом настроении, а в фирменных пакетах у нее лежали легкий льняной пиджак и льняные светлые брючки, шифоновый костюм, состоящий из длинной юбки и туники, два невесомых топика, черная майка с блестками и шелковая юбка в крупный горох. С доброжелательной продавщицей Катя проконсультировалась, где можно приобрести не запредельно дорогую обувь, и на том же этаже сделала еще две покупки: элегантные черные босоножки, отделанные бисером, и кожаные сандалии. Потом не удержалась – купила еще и сумочку. Когда вечером она показывала свои приобретения дяде Борису, он полностью все одобрил и похвалил:

– Молодец, Катюша. А еще говоришь, что вы там у себя в вещах не разбираетесь. «Герри Вебер» – прекрасная фирма и хороший выбор. К тому же эти вещи тебе очень идут.

На следующий день Катя занялась собой: сделала маникюр и педикюр, подстриглась. И на этом решила остановиться. Просто больше ничего ей в голову не пришло.

Ей было интересно бродить по продуктовым магазинам. В том же модном торговом центре оказался расположен отличный гипермаркет одной крупной питерской торговой сети. Катя решила попробовать, что же такое настоящий швейцарский сыр, купила какие-то экзотические фрукты и случайно остановила взгляд на прилавке с упаковками, в которых красовались суши и роллы. Такого Катя не ела никогда в жизни. Она решила, что нечто под сложным названием «Кацуобоси» должно быть столько же замысловатым и на вкус, и взяла несколько упаковок, решив, что и дядя Борис не откажется немного разнообразить рацион.

Катя пробовала экзотические блюда, заходила в приятно пахнущие кофейни, просто гуляла по улицам, сходила на гастрольный спектакль с участием столичных театральных звезд, в общем, развлекала себя, как могла. Но ни на секунду не выпускала из рук свой мобильный телефон. И с каждым днем ей становилось все тоскливее: Дима не звонил.

Катя поняла, что в новой жизни ее ничто не интересует и не радует. Каждую минуту она думала о Димочке, как она звала его наедине с собой, вспоминала, как лежала на его плече в душном автобусе и надеялась, что это счастье никогда не кончится. Она бродила по улицам и в каждом темноволосом парне готова была увидеть его. Куда бы ни заходила: в аптеку или в книжный магазин, ей представлялось, что сейчас она обязательно встретит Диму. Катя всматривалась в толпы прохожих, в людей на остановках и везде ожидала заметить знакомую фигуру.

Потом ее внимание стали привлекать городские девушки: как они выглядели, во что одевались. Она рассматривала самых разных девиц: тех, кто разгуливал в коротеньких юбочках, обнажавших стройные загорелые ноги, тех, которые лениво громыхали браслетами на щиколотках. Какие девушки нравятся ее Димочке? С кем он спит?

Однажды Катя, устав от бесцельного блуждания по городу, села в маршрутку. Напротив нее расположилась молоденькая девушка, примерно ее ровесница. Ах, как же она была хороша! Густые темно-русые волосы спадали ниже плеч, под темными бровями сияли ярко-карие глаза. Красивые губы, нежная кожа, стройные ножки. Одетая девушка была во что-то невесомое и немыслимое. Катя смотрела на нее и чуть не плакала. Вот такая девушка достойна ее Димочки! Вот такой девушке он бы стал звонить, да что там... Телефон оборвал бы! А ей не позвонит никогда. Потому что уже забыл свою случайную попутчицу, потому что Катя ему не нужна, потому что таких, как Катя, – тысячи, а таких, как Димочка, вообще больше нет.

Катя, как никогда придирчиво, рассматривала себя в зеркале: да, она стройная, с полной грудью и довольно тонкой талией, у нее пышные вьющиеся волосы – предмет зависти всех подруг. Глаза? Обычные глаза – карие, с какими-то желтыми крапинками, носик аккуратный, маленький, слегка вздернут, скулы высокие, хорошо очерченные. Кожа белая, нежная.

«Привлекательная девушка, – думала о себе Катя, – улыбка красивая. Но я – обыкновенная. А вот Димочка не просто привлекательный, он вообще словно не из нашего обычного мира, и девушка ему нужна такая же особенная. Он на меня как на женщину, возможно, и вообще не взглянул. Просто попутчица, просто некто, с кем пришлось скоротать нудную дорогу».

С каждым днем желание позвонить ему самой все усиливалось, но Катя понимала, что, как бы ей этого ни хотелось, она так не сделает. Какой смысл навязываться человеку, которому ты не нужна? А вот если бы они встретились снова, она сумела бы заинтересовать Диму, сумела бы стать ему нужной, сумела бы привязать его к себе. Но где и как они могут встретиться в городе-миллионнике? Рассчитывать на случайность – смешно, ее можно ждать годами.

Катя часто о нем думала, но ждала, что мысли о Диме выветрятся сами собой, а происходило прямо противоположное. Более того, эти мысли стали навязчивыми и даже болезненными. И что не менее важно – постоянными. Дима не давал забыть о себе ни на минуту.

«Ладно, под лежащий камень вода не течет», – сказала себе Катя одним прекрасным утром, едва успев проснуться. После чего умылась, привела себя в порядок и решила действовать.

Все, что она знала о Диме, – это то, что он живет в студенческом общежитии, а работает в клинике, как он сказал, рядом с кукольным театром. Клинику необходимо немедленно найти, а случайную встречу можно, в конце концов, и организовать. Но уже не так, чтобы потом опять разойтись в разные стороны.

По карте города Катя быстро отыскала нужную улицу и нужное здание, оставалось продумать, как ей вести себя дальше. Для того плана, что она собиралась осуществить, утренние часы прихода на работу совсем не подходили, лучше всего встретить Димочку, когда он будет покидать место службы.

Катя направилась к Кукольному театру, немного поплутала и в двух минутах ходьбы от него действительно обнаружила большой зоомагазин и ветлечебницу под названием «Лимпопо». Вход туда был со стороны немногочленного переулка, где нет никакой возможности спрятаться, чтобы ждать. Правда, переулок через двадцать метров вливался в шумную улицу, и как раз на том месте находились супермаркет и остановка общественного транспорта. Девяносто процентов из ста, что Дима возвращается домой по этой дороге. Потому что переулок, где расположена клиника, явно ведет к частному сектору. А Дима живет в общежитии, это Катя хорошо помнила.

В первый день она промаялась, крутясь в супермаркете и поминутно выглядывая на улицу, выходила на остановку и делала вид, что ждет маршрутку, но Дима не появился. Зато на второй день ей повезло. Катя рассчитала правильно: Дима вышел из ветлечебницы и пошел по переулку в сторону улицы.

У Кати бешено заколотилось сердце, но она, хоть руки предательски дрожали, не растерялась и приступила к выполнению своего плана. Отошла от остановки на несколько шагов, достала мобильник и сделала вид, что читает сообщение. Как только Димочка приблизится, она, согласно разработанной диспозиции, собиралась заплакать. Она думала, что сделать это будет сложно, а вышло совсем легко. Не потому, что она такая великая актриса: просто долгие дни ожидания звонка, надежды, мучительные мысли о том, что Димочка проводит время с кем-то еще, – все накопленные тревоги полились из глаз.

Дима увидел ее, как раз когда Катя вытирала слезу ладошкой. И сразу подошел. Неужели обрадовался?

– Катя, привет! Это ты? – улыбнулся он, но быстро осекся, увидев, что девушка плачет. – Что с тобой? Что-то случилось?

Катя сделала вид, что вздрогнула от неожиданности, подняла на Диму мокрые глаза и сразу же засутилась.

– Ой, привет, не ожидала тебя увидеть, – залепетала она, закрывая крышку мобильного.

– Ты плачешь, что ли? Что-то произошло? – допытывался Дима.

– Да нет, это я от злости, – пояснила девушка, – вот эсэмэску прочитала... Не знаю, что теперь делать.

– Сообщили что-то неприятное?

– Да не то слово! Дядя неожиданно уехал в командировку, только сейчас сообщил, – объясняла Катя, – я ему звоню, а он не отвечает, а сейчас эсэмэску прислал, что срочно вылетел в Москву, какое-то дело. Или совещание, не знаю.

– Ну и что за проблема? – удивился Дима. – Из-за чего слезы-то лить?

– Я же говорю, я со злости, – продолжала вилить Катя. – Да ладно, не парься, что-нибудь придумаю.

– Ничего я не понял, – нахмурился парень.

И тут Катя как будто пришла в себя, чтобы наконец-то все объяснить.

– Я, как назло, сегодня ключи дома забыла, – вздохнув, проговорила она, – взяла новую сумку, а ключи остались в той, с которой я ходила вчера. Вот и все. Даже не представляю, куда мне теперь податься. Телефона домработницы я не знаю. И вообще в городе мне пойти некуда, никаких знакомых завести не успела.

– Ох ты господи, – засмеялся Димочка, – вот делов-то! Вообще некуда пойти?

– Вообще, – печально подтвердила Катя.

– Поехали ко мне, – как-то очень легко предложил Дима, – но у меня общага, не особняк, шикарных условий предложить не могу.

– Ну это как-то неудобно, – пожала плечами девушка, – у тебя же, наверное, соседи имеются, я кого-то стесню.

– Сосед у меня есть, – кивнул Дима, – но сейчас уехал. Так что пока я обитаю один.

– Значит, я никому не помешаю?

– Поехали, только не хнычь, – усмехнулся Дима. – Вы, девки, любите по любому поводу слезы лить.

– Почему по любому поводу? – возмутилась Катя. – Я, если хочешь знать, вообще никогда не плачу. Но сейчас просто растерялась. А если бы я тебя случайно не встретила?

– О господи, в гостиницу бы пошла! Что за проблема?

Сердце Кати ухнуло в пропасть.

– Я как-то не подумала, – сказала она внезапно севшим голосом, – правда ведь, можно же в гостиницу. Ты подскажешь, куда лучше? А то я не ориентируюсь.

– Да ладно тебе! Я просто для примера сказал, – отыграл назад Дима, – зачем на гостиницу тратиться? Поехали, если общаги не боишься.

– Я ничего не боюсь, – уверила его Катя, – только надо из еды что-то купить, я в магазин забегу...

– Пошли, только я сам... – начал Дима, но был перебит.

– Ну конечно! Я навязалась со своей проблемой, так еще и кормить ты меня будешь! Ну уж дудки!

– Что ж ты думаешь, я тебя не прокормлю? – игриво спросил он, оглядывая Катю с головы до ног. – Судя по вашей фигуре, мадемуазель, вы едите не так уж много, я справлюсь.

Лицо Кати счастливо сияло.

– Ты меня так выручил, мне тоже хочется сделать тебе что-то приятное! – сообщила она тоном, не допускающим возражений.

Еще немного попереклаившись, они зашли в магазин, купили продуктов на ужин, пока Дима толкался у пивного прилавка, Катя исчезла и появилась через несколько секунд с бутылкой хорошего виски.

– Шикуюешь? – заметил Дима.

– А почему бы не пошиковать? – улыбнулась она.

Ей не пришлось прикладывать усилий к тому, чтобы завлечь Диму в постель. Все произошло само собой. Так, как и должно быть, когда молодой здоровый парень остается наедине с молодой здоровой девушкой. Заблестевшие от виски глаза, милая болтовня, случайные прикосновения. Потом уже не случайные, ищущие, настойчивые... От этих прикосновений на Катю нахлынула огромная, могучая, неистовая волна, подхватила ее и понесла с бешеной скоростью куда-то в бездну, где уже кончается все осмысленное и обдуманное, где нет ничего, кроме сумасшедшего пульса и выскакивающего из груди сердца. Она еще не испытывала

ничего подобного ни с первым опытом – одноклассником, ни со своей первой влюбленностью – мальчиком из колледжа, ни с Сергеем Ивановичем, который относился к ней очень нежно. Она даже не представляла, насколько сильным, обжигающим, отупляющим может быть физическое желание и насколько мощным и оглушительным получаемое наслаждение. Катя даже не сразу пришла в себя, а когда очнулась, подумала: «Просто я раньше не любила, а теперь люблю, наверное, поэтому все так...»

Катя пристально всматривалась в Димочку (теперь она имеет право так его называть), пытаясь разглядеть его эмоции, уловить, чувствует ли он то же самое, что и она, или для него это обычный секс, такой же, как с любой другой девушкой? Но понять было невозможно. Он поцеловал Катю, сказал, что ему было хорошо, но что это: признание или дежурная фраза в благодарность за доставленное удовольствие – она не поняла. Дима все время ускользал от нее. Его глаза – зеленые, с расширенными от возбуждения зрачками, были рядом, но что было в них? Страсть? Зарождающаяся любовь? Она не знала. И суждено ли ей вообще понять его?

Пока Дима мылся в душе, Катя эсэмэской сообщила дяде, что уехала в родной городок к подруге на день рождения. Это дало ей возможность прожить у Димы два дня и две ночи. Они очень сблизились за это время, почувствовали друг друга, и когда настала пора возвращаться к дяде, Катя о себе уже все твердо знала. Знала, что полюбила по-настоящему, что ее Димочка – это и есть смысл ее жизни, что ради этого человека она готова на все, что в ее силах, и даже на то, что выше сил. Что чувствует Димочка, она так и не поняла, хотя и старалась. Но не спрашивать же, правда? Только круглые дуры лезут к мужчинам со своими признаниями и клятвами в вечной любви. Мужчинам от такой собачьей преданности становится скучно. Нет уж, Катя не безмозглая овца, она сделает так, чтобы Димочке было с ней легко и радостно. А уж какими трудами и жертвами она этого достигнет – ее проблемы.

Катя вернулась домой и в первую очередь попыталась разобраться в себе. Это много времени не заняло – она любит Димочку, любит самозабвенно, болезненно, до умопомрачения. Это факт, и с ним не поспоришь. С этим разобрались. Второе, и самое главное, с чем предстояло разобраться, – это как сделать так, чтобы объект ее любви принадлежал ей, и только ей, безраздельно и всецело. Только круглые дуры считают, что мужчину можно привязать штампом в паспорте или – еще того хлеще – ребенком. Если бы это было так, разве бы люди разводились? Разве дети воспитывались бы в неполных семьях? Тем более такое не могло бы пройти с ее Димочкой. Катя долго размышляла и в конце концов вывела для себя формулу счастья, которое она получит, если будет строго следовать собственной рецептуре.

Во-первых, она ни в коем случае не будет ему себя навязывать. Привязчивые женщины только отпугивают мужчин, особенно молодых и еще не вставших на ноги. Димочка пока живет в общаге, зарабатывает не очень много, значит, никаких матримониальных мыслей у него не может быть в принципе. Отсюда вытекало во-вторых. А во-вторых, каждое свидание с Катей должно быть легким и приятным, с ней не возникнет никаких выяснений отношений, никаких ссор, хлопот и неприятных эмоций. С другой стороны, Димочка не должен воспринимать ее просто как девушку для приятного времяпровождения, таких девушек может быть много. Отсюда вытекало третье: Катя непременно должна стать ему нужной, необходимой. Как этого достичь? Над этим стоило подумать.

Дима, как и Катя, вырос в семье сельских интеллигентов, но помогать ему было некому. Что такое жизнь в условиях жесточайшей экономии, он знает не понаслышке, поэтому нет ничего удивительного и тем более зазорного в том, что молодой человек стремится к материальному успеху, что его мечта и цель в жизни – создать собственную клинику, организовать собственное дело. Чем не цель? У Кати, например, вообще никакой цели в жизни нет. Если, конечно, не считать Димочки. Это и цель, и сверхзадача, это вообще сейчас самое главное. Кате отчаянно хотелось стать неотъемлемой частью жизни своего любимого, заставить его нуждаться в ней так же, как она в нем нуждается. Он хочет двигаться вперед, идти вверх? Она

готова стать ступеньками на этой лестнице. Лестница – основа надежная и верная. Она должна сделать его счастливым, она, Катя, должна стать в его жизни неиссякаемым источником радости. Сколько усилий придется приложить? На какие жертвы пойти? Все это неважно. Все это второстепенно. Что бы ни потребовалось, она готова на все.

Глава 3

Борис Георгиевич Скворцов считал, что свою жизнь построил правильно, по принципам, которые считал разумными и логичными. Пока был молодым, он не боялся большого объема работы, когда стал расти по карьерной лестнице, не пугался ответственности, не мешкал, когда требовалось принимать решения. Не боялся рисковать деньгами, чтобы двигать собственный бизнес. Борис никогда не жил несбыточным, не рвался к самым вершинам, но и не плелся в хвосте. Многие его однокашники, однокурсники делали карьеры куда более заманчивые, куда более головокружительные, но были среди них и не удержавшиеся на пике, разбившиеся, упавшие с больших высот на самое дно.

Одноклассник Бориса, закадычный товарищ по детским и юношеским забавам Алик, то есть Альберт Ходеев, стал известным политиком, его избрали городским депутатом. Альберт участвовал в шумных политических скандалах, часто мелькал по телевидению и в газетах. Однако не рассчитал свои силы: полез в кресло мэра, не имея под амбициями серьезного фундамента, и мало того, что мэром не стал, – но даже и депутатом на второй срок не избрался. А в провинциальной политике такое правило: выпадешь из колеи – пеняй на себя, забраться назад в сто раз сложнее. В итоге харизматичный, яркий Алик затопил удар по самолюбию в водке и совсем потерялся из виду.

Другой товарищ Бориса, Игорь Давыдов, из челнока-трудоголика вырос в преуспевающего бизнесмена, сделал себе не только капитал, но и имя, репутацию. А ведь тоже закружилась у человека голова от успехов, и в какой-то момент сделал неверный шаг, разругался не с теми, с кем можно себе позволить ссору, увлекся рискованными операциями. В итоге потерял бизнес, отсидел два года и теперь оставшиеся от былых времен деньги тратит на попытки реабилитироваться. Но как человек и личность потерялся, озлобился, утратил адекватность.

Еще один пример – Валька Непомнящий, Борисов друг детства, там уж совсем из рук вон плохо получилось. Мало того, что Валька был редкий красавец, так еще и актер способный, и женился на москвичке из самой что ни на есть звездной семьи. И карьера в столице пошла, Вальку даже начали снимать... Что там произошло, на какой почве, кто кого приревновал – слухи потом разные ходили, – но только обвинили Вальку в умышленном убийстве жены и посадили всерьез и надолго.

Борис Георгиевич о столицах не помышлял, о звездном будущем и политической карьере не думал. Он вкалывал, зарабатывая своим умом и другими имевшимися качествами: мобильностью, коммерческим чутьем, открытостью ко всему новому и перспективному, умением хорошо разбираться в партнерах и подбирать ответственных сотрудников. В своей карьере Борис двигался постепенно и уверенно, менял должности на крупных предприятиях и вполне логично добрался до органов власти. Но в чиновничьей среде приживаются люди особого склада, к которым Борис Георгиевич не принадлежал. Он был хорошим специалистом, человеком дела, кроме того, умел дружить, поэтому свою сегодняшнюю ответственную должность руководителя муниципального предприятия «Горпассажиртранс» считал заслуженной и подходящей и относился к работе серьезно. Но и должность – заметная, денежная – было не все. Кроме нее, и независимо от нее, у Бориса Георгиевича имелся пакет акций пусть не очень большого, но стабильно работающего кирпичного завода.

Единственное, чего он не смог просчитать, предвидеть и предупредить, – это краха семейной жизни. Борис не особенно обольщался насчет Регины и ее беззаветной любви, понимал, что избалованной капризной красавице нужен надежный мужчина, при котором она не будет иметь никаких проблем. Он считал так: есть женщины, в принципе не способные на сильную эмоциональную привязанность, на всепоглощающую любовь. Такие женщины не тратят свои драгоценные эмоции на других людей, потому что способны сконцентрироваться только

на своих собственных переживаниях и желаниях. При этом такие женщины вполне могут быть хорошими матерями и женами, они могут испытывать благодарность за ту жизнь, которую имеют. Пусть не любовь, пусть благодарность... В конце концов, благодарность – это тоже хорошее чувство. Что ж сделаешь, если любовь Регине неведома в принципе? Нет, она ни в коем случае не чуралась супруга, наоборот – гордилась им, старалась для него выглядеть на миллион, не отказывала ни в каких постельных радостях, пыталась создавать уют, украшала дом. Было бы совсем хорошо, если бы она еще почаще бывала дома...

С годами ее разговоры о Европе стали не просто болтовней обеспеченной женщины, она заговорила о переезде всерьез, это уже не было прихотью, Регина думала об этом постоянно. Ею овладела настоящая одержимость, но этот момент Борис Георгиевич и упустил. Он не заметил, когда о стране «хамов и быдла» Регина заговорила уже как о чужой стране. Когда она твердо все решила. Дочь впитала все мамины мысли, потому что рано родившая Регина не ощущала себя человеком другого поколения, и они общались как близкие подруги.

Борис не заметил признаков того, что у жены имеется серьезный роман на стороне. Он никогда не входил в ее компьютер, не интересовался зарубежными звонками, зная, что супруга имеет за границей массу знакомых. Откуда взялся этот испанец? Да еще и весьма состоятельный. Конечно, эффектная Регина, обладательница классически правильного, практически идеального лица и идеальной фигуры, уже и не будучи юной девушкой, могла увлечь мужчину и никогда не удостоила бы своим вниманием того, кто не отвечал ее представлениям о финансовой состоятельности.

Борис Георгиевич долго не мог понять, что он сделал не так, в чем ошибся. Ведь он ни жене, ни дочери ни в чем не отказывал, никогда не предъявлял никаких претензий. Они с Региной никогда не ругались и даже почти не ссорились. Только в одном вопросе он проявлял твердость: в своем нежелании уезжать из страны.

– Региночка, ну ты сама подумай, что я там буду делать? – спрашивал он в таких случаях.

– А зачем обязательно что-то делать? – удивлялась Регина. – У тебя есть средства, недвижимость, есть акции, ты можешь получить очень и очень неплохие деньги. Зачем обязательно работать? Неужели нельзя просто жить? Жить в нормальном обществе, с нормальными законами, с нормальным климатом, наконец.

– Ну а что тебя здесь не устраивает? Я не пойму, – пожимал плечами Борис Георгиевич. – У тебя есть деньги, ты посещаешь разные страны, ты же не сидишь безвылазно дома, так чем тебе плохо-то?

Один раз Регина не выдержала и взорвалась.

– Всем! – закричала она. – Меня мутит от нашей политики, от бесконечного и наглого вранья, меня тошнит от наших дорог, по которым невозможно ездить, от повсеместного хамства, от повсеместных поборов, от этих пьяных и наглых ментов, про которых снимают бесчисленные сериалы!

Регина схватила пульт, нажала кнопку выключения и с силой отшвырнула в сторону.

– Что с тобой, Регина? – изумился Борис. – Тебе б на митинг, ей-богу.

– Я для митингов не приспособлена, – заметила Регина. – Я предпочла бы другой выход. И вскоре показала, какой выход для нее предпочтительней.

После распада семьи в двухэтажном особняке Бориса стало пусто и тоскливо. Все в доме напоминало о предательнице-жене.

Появление Кати вдохнуло в опустевший дом новую жизнь. Зазвучала человеческая речь, а не только переговоры с домработницей относительно оплаты счетов, приготовления пищи и необходимых покупок. Борис верил, что племянница, хоть и пережившая недавнее горе, обязательно принесет в дом частичку света и радости, которые излучает молодость. Так и оказалось.

Борису хотелось утешить Катю, взять под свое крыло, помочь сориентироваться в жизни. Он, привыкший удовлетворять дорогостоящие капризы жены, хотел побаловать девочку, про-

жившую всю жизнь в аскетичности российской провинции. «Машину, что ли, ей купить?» – подумал Борис.

Но от этой идеи Катя пришла в ужас, и Борис Георгиевич понял, что девушке нужно какое-то время, чтобы просто привыкнуть не только к городским пробкам, но и к темпам жизни, многолюдности. А пока самой стать участницей броуновского городского движения Катя совсем не готова.

– У нас с твоим папой есть троюродный брат, он младше нас, – сказал как-то Борис за ужином, – твой папа с ним почти не общался, а я общаюсь. Но даже не потому, что родственные связи, просто мы приятельствуем, по делам часто пересекаемся. Я же говорил тебе о его семье, помнишь?

– Да, дядя, я помню, – кивнула Катя, – ты говорил, что хочешь меня познакомить с его дочкой, что у нее какие-то завихрения...

– Завихрения есть, сама увидишь, – улыбнулся Борис, – но тебе они не помешают, она девчонка нормальная. Просто я подумал, что тебе сейчас здесь одиноко, друзей пока нет. А Лика собирается ехать отдыхать, родители заняты, а ее собственная компания распалась. Может, ты с ней поедешь? Все равно ведь ты пока не работаешь, свободна, да и возможность есть.

– А что, у Лики нет друзей, с которыми она могла бы поехать? – удивилась Катя. – Кстати, сколько ей лет?

– Она помладше тебя, не знаю точно, то ли двадцать, то ли двадцать два, – ответил Борис Георгиевич, старательно обгладывая куриную ножку. – Вкусная курочка у тебя получилась, Катя. Я всегда считал, что в курице самое вкусное – это золотистая, зажаристая шкурка. А ты ее снимаешь, и мне твоя курица без кожи больше нравится. Тоже золотистая получается. Ты и дома сама готовила?

– А кто же будет готовить-то? – удивилась девушка. – Не папа же, правда? Он только по яичнице был специалист.

– И по ухе, если на рыбалке, – грустно добавил Борис Георгиевич.

– А про курицу, и не только, я так скажу, – продолжила Катя, – тебе нельзя злоупотреблять мясом, у тебя ведь проблемы со здоровьем и питаться нужно правильно. То, что ты пьешь таблетки, – это хорошо, но и диету нужно соблюдать. Курицу тебе можно, но шкурка вредная, в ней содержится много холестерина и жиров. Мучить тебя паровыми рыбными котлетами я, конечно, не буду, но вредное из пищи уберу. Так что не сопротивляйся, привыкай. Никакого мяса, никаких жиров. Захочешь супчика – сварю тюремный, такой, чтобы наваром и не пах.

– Тюремный? – засмеялся Борис. – Ты-то откуда знаешь, какие в тюрьме супчики?

– Не знаю, слава богу, – отмахнулась Катя, – папа так говорил. Кому нельзя есть наваристый бульон, должен есть «тюремный» супчик.

– Хорошо иметь в доме медработника. Как жаль все-таки, что ты не стала врачом, Катюша, – улыбнувшись, вздохнул Борис, – в такой семье...

– Ты же знаешь, училась плохо, – ответила девушка, – математика и химия – это для меня страшное дело. Я медицину люблю, и знания благодаря папе у меня хорошие, не на уровне медсестры. Но точные предметы – это такая беда.

– Ладно, не будем о грустном, – прервал племянницу Борис, которому было приятно почувствовать заботу о себе. – На чем мы остановились?

– На том, что наша родственница не может найти компанию на отдых, – уточнила Катя, – что лично меня очень удивляет. Неужели у нее друзей-приятелей нет?

– Как сказал Ликин отец, путевка не из дешевых, быстро попутчика не найдешь.

– Куда же она собралась? – полюбопытствовала Катя.

– В Доминиканскую Республику, – ответил дядя, – а решать надо быстро, потому что с августа туда уже ехать нежелательно, начинается сезон ураганов.

– Ты же сам говоришь, что поездка дорогая, так что это и не для меня, – покачала головой Катя.

– Конечно, не для тебя, – усмехнулся Борис, – тебе такие путешествия не по карману, а вот я очень даже могу себе позволить отправить племянницу немного отдохнуть. Для меня это деньги небольшие, я на своих куда больше тратил...

– Ну, то на своих... – протянула Катя.

– А ты что – не своя?

Борис Георгиевич вдруг посерьезнел, отодвинул тарелку.

– Так что же ты – не своя? – снова спросил он. – Ты, Катя, осталась совсем одна. Я тоже, как видишь, остался один. А когда мы вместе – значит, мы не одиноки. Просто раньше у каждого из нас были близкие люди, мы были с ними. Теперь их нет, теперь есть только мы с тобой. Договорились? И раз я говорю, что такие траты мне по карману, значит, так и есть. Уж я-то понимаю, сколько денег могу потратить на любимую племянницу, а сколько нет.

– Спасибо, дядя, спасибо тебе, – Катя склонила голову над столом, чтобы не было видно, что глаза стали мокрыми, – не за поездку, конечно, а за то, что не оставил меня одну. Мне не нужны деньги, путевки, машины какие-то. Главное, чтобы не быть одной...

Борис протянул руку, Катя встала, подошла, опустилась на ручку полукресла, на котором он сидел. Дядя обнял ее и, чувствуя, что сейчас сам расплчется, похлопал по спине:

– Все, не хнычем, иди и доедай свои кулинарные шедевры, – бодро сказал он. – Так что – позвоним Лике? Может, поедешь с ней?

– Доминикана – это где было землетрясение? – уточнила Катя.

– Землетрясение было на Гаити, это соседнее государство, но географически – да, остров один.

– Это же очень далеко, Латинская Америка, да?

– Да, далеко, двенадцать часов лету, – сказал Борис, вспоминая тяжелый для него перелет, на который согласился только по настоянию Регины. – Но ты молодая, тебе двенадцать часов в самолете – смех и шутки.

– Да я не про то...

Катя задумалась. Что-то такое о Доминикане она по телевизору видела. Кажется, по одному из центральных каналов, даже серия передач была об этой республике. Краем глаза Катя видела высоченные пальмы, склонившиеся до самой океанской бирюзы, белоснежный песок, красивые отели с бассейнами, садами, попугаями и павлинами, разгуливающими прямо по территории, прибрежные базары с сувенирами и смешными, наивными картинками, которые рисуют гаитяне. Выглядело все это более чем заманчиво. Особенно для девушки, которая и на море-то была всего два раза в жизни.

«Однако Димочки в этом раю не будет», – подумала Катя, и прелесть Доминиканы мгновенно потускнела.

Катя была готова к тому, что ее вновь обретенная родственница окажется девушкой не вполне обычной. Дядя не раз упоминал, что Лика со странностями. Катя уточняла: ненормальная, что ли? Психическая? «Да нет, нормальная, – отвечал дядя. – В общепринятом смысле слова. Даже чересчур. Просто повернутая слегка».

Когда Катя познакомилась с Ликой, ей показалось, что совсем даже не слегка.

Они с дядей отправились к родственникам в ближайшую субботу, встретили их очень радушно, а Катю даже и ласково. Со своим троюродным дядей Игорем Катя знакома не была, может, и слышала о нем что-то от родителей, но не в подробностях. О его семье не слышала вообще. А семья оказалась хорошей и дружной: Игорь, его жена Ирина, двенадцатилетний Владик и Лика, которой, как оказалось, только что исполнился двадцать один год. Они жили в двухэтажном просторном доме на другом конце города. На участке были заботливо посажены

и обихожены небольшие туи, дорожки аккуратно выложены красивым декоративным камнем, посередине двора имелся прудик с настоящими карпами. И в доме, и на участке было так уютно, так хорошо, а хозяйева так гостеприимны, что Катя сразу прониклась к новым родственникам симпатией. Игорь для своих сорока пяти выглядел замечательно, был подтянут, модно подстрижен, все время улыбался. Ирина, его жена, тоже выглядела моложе своих лет, и тоже, наверное, благодаря обаятельной белозубой улыбке, не сходящей с лица. А голубоглазый Владик не выпускал из рук мяч – ни на участке, ни дома. Лика же Катю поразила до глубины души. Казалось, что она вообще не из этого дома, не из этой семьи, и вообще не поймешь, откуда такая девушка взялась в нормальном доме.

Встречать гостей Лика вместе со всеми не вышла, что не осталось без комментария Владика:

– Рожу еще не домазала до конца, – выпалил он и умчался, уворачиваясь от отцовского подзатыльника.

– Эй, Лика! К нам, между прочим, приехали гости, – прокричала Ирина куда-то в сторону окна на втором этаже.

– Лика, заканчивай тюнинг! – вслед за этим гаркнул отец, и только после этого девица соизволила спуститься к гостям.

Катя была девушкой до мозга костей провинциальной, но все же воспитанной в приличной семье, поэтому постаралась, чтобы ее лицо не выдавало тех эмоций, которые возникли при виде юной родственницы. И все же глаза, несмотря на все усилия, чуть не вылезли из орбит. Перед ней стояло совершенно нереальное существо. Те, кто видел Лику не раз и не два, как, например, дядя, уже не обращали внимания, но Катя, признаться, была в шоке. Лика оказалась девушкой невысокого роста, сантиметра 162 или 163 – не выше, и совсем худенькой. Вернее, не худенькой, это русское слово несет в себе отпечаток древних понятий о красоте: худенький, значит, плохонький, никудышный. Лика же несла свою худобу с величайшим достоинством. Но в первую секунду Катю поразило ее лицо: совсем юное, почти детское, оно было ровно, но густо покрыто тональным кремом, бежевые румяна профессионально нанесены на высокие скулы. Ресницы у Лики были накладные, причем несуразно длинные, предназначенные скорее для сценического выступления, но никак не для использования в повседневной жизни. Тени, нанесенные на верхние и нижние веки, были почти черными и вместе с ресницами делали глаза похожими на два черных провала. Брови Лика нарисовала явно выше того контура, который был определен природой (видимо, от своих собственных бровей у девушки осталось одно воспоминание). Губы Лика сделала в контраст с глазами – бледно-розовыми, влажно и ярко блестящими, а над верхней губой прикрепила темную мушку. Но это еще что! Светловолосая от природы, натуральная блондинка, Лика красила волосы в такой цвет, который Катя видела только у кукол. Не белые, не желтые, а именно кукольные, даже не поймешь, как такой цвет и назвать-то. Волосы нимфы были забраны наверх, заколоты и распущены по плечам вместе с многочисленными накладными прядями, которые были завиты, словно серпантин на елке. При ближайшем рассмотрении можно было увидеть, что некоторые из этих прядей украшены бусинками и чем-то еще: то ли бабочками, то ли цветочками, не поймешь. На шее у Лики красовалась татушка в виде змейки. Ногти можно было рассматривать как отдельное явление: чудовищной длины, острые как лезвия, ярко-малиновые, с замысловатыми рисунками. Несмотря на жару и домашнюю обстановку, Лика была облачена в сапоги до колен. Остальной наряд летний: майка, обнажающая не только живот с маленьким колокольчиком в пупке, но и торчащие ребра, а также шорты, скорее похожие на трусы.

Девушка производила неописуемое впечатление: если такую увидеть издали – черные провалы глаз, искусственные локоны, вызывающая одежда, – Лику вполне можно было бы принять за девицу легкого поведения. Вблизи же становилось понятно, что перед тобой непонятно зачем и почему нелепо разрисованный ребенок.

– Дядя, привет, – небрежно бросила Лика, обращаясь к Борису Георгиевичу. После чего, наслаждаясь произведенным эффектом, обернулась к ошеломленной Кате:

– Мы с тобой типа троюродные кузины, да? – сказала она, растягивая гласные. – Тогда привет, милости просим, беби.

– А ты еще колокольчиком позвени, в знак приветствия, – встрял Владик, заранее пригнувшись, чтобы не напороться на подзатыльник.

– Вали отсюда, – вполне миролюбиво отпихнула его сестра. – Ну мы типа познакомились, да?

– Меня зовут Катя, – онемевшими губами вымолвила девушка.

Ей вдруг стало ужасно неловко, что родители Лики заметили ее оторопь и могут обидеться за дочь, Катя испуганно обернулась и столкнулась с насмешливым взглядом Игоря. Но тот обратился к дочери:

– Чего стоишь, кукла? Займи гостью, пока мы с Борисом костер разведем. И выплунь жвачку, смотреть противно.

Катя вздохнула с облегчением, поняв, что не оскорбила ничьих родительских чувств, втянула носом тяжелый парфюм, которым щедро благоухала Лика, поманившая кузину за собой, громко чихнула и отправилась вслед за странной девушкой в дом.

– Вы на такси приехали? – спросила Лика, пропуская гостью вперед себя в свою комнату.

– На такси, – кивнула Катя, – мы еще привезли кое-что для застолья, я так поняла, что сегодня шашлыки с выпивкой затеваются.

– Похоже на то, – ответила родственница, – мама суетится, меня не привлекает.

– Куда ж тебя привлечешь с такими ногтями? – хмыкнула Катя, и ей снова сделалось неловко.

– Ничего подобного, с ними даже удобно, я все могу делать, только за компьютером не очень ловко, а так нормально.

Лика залезла в свой секретер, извлекла два тонких длинных стакана, бутылку текилы, лимон, передала все это несколько удивленной Кате и продолжила шуровать во внутренностях шкафа.

– Не могу солонку найти, – пояснила она.

– Солонка в секретере – это оригинально, – сказала Катя, – это ж все-таки не кухонный шкаф.

– Я сюда складываю, все, что мне нужно, – объяснила девушка, – а нужно мне бывает самое разное. Нашла.

Лика приняла у Кати бутылку и цитрус, сложила все это на поднос, добавила солонку, бутылку содовой воды и указала на балконную дверь.

– Открывай, посидим на воздухе, у меня шикарная лоджия.

Комната Лики находилась на втором этаже, и лоджия у нее действительно была роскошной – просторной и функциональной. У двери красовалась в огромном кашпо пышная трехствольная драцена, налево от входной двери располагался плетеный столик и такие же кресла. Правую стену украшала полка, на которой размещались различные фигурки, сувениры, вазочки... Полка сразу же привлекла внимание Кати.

– Это мои трофеи, – охотно пояснила Лика, – то, что я привожу с разных курортов.

– Красивые, – задумчиво заметила Катя, рассматривая искусно сделанного рыцаря в доспехах, с длинным копьём в руке.

– Этот рыцарь с Мальты, – объяснила явно польщенная девушка, – а вот эти – из Барселоны.

Она указала на двух рыцарей поменьше, замерших в поединке с копьями наперевес.

– Я отовсюду стараюсь привезти что-то интересное, – сказала Лика, – ну оттуда, где мы бываем с предками.

«Если не видеть перед собой боевого раскраса Лики, то можно представить, что говоришь с обычной, нормальной девчонкой», – мелькнуло в голове у Кати.

– Ты пила когда-нибудь текилу? – спросила Лика деловым тоном.

– Если честно, то нет, – ответила Катя немного смущенно.

– Там внизу эта музыка надолго, – заявила Лика, махнув рукой в сторону сада, – пока они костер разожгут, пока шашлыки пожарят, пока потрындят. Они это любят. Не торопятся, хотят, чтобы мы с тобой познакомились. Предлагаю пока побаловать себя вкусненьким.

– Я не против, – пожала плечами Катя, – но это не будет расценено как пьянка? Твои родители не рассердятся?

– Во-первых, им никто докладывать не собирается, – скривившись, отчеканила Лика, – от текилы с лимоном совсем не пахнет. Да предки и сами сейчас накатят, от нас запаха уже не почувствуют. Во-вторых, я разрешения ни у кого спрашивать не собираюсь. Совершеннолетняя. Да и что мы – нажираться, что ли, будем? Так, махнем для удовольствия за знакомство.

– Ну тогда давай, – согласилась Катя, – лимоном будем закусывать? А соль для чего?

– Тьма кромешная, – констатировала Лика, – тебя учить и учить. Текилу нужно пить так: сначала сыплешь шепотку соли вот сюда...

Она наглядно показала на руке, куда нужно насыпать соли.

– Потом слизываешь, выпиваешь текилу и заедаешь лимоном. Только так надо пить. Тогда напиток почувствуешь, а не просто бухалово.

Катя была удивлена. Лика говорила нормальным, человеческим языком, даже та тягучая манера, которую она заметила у нее внизу, куда-то пропала. Если бы не ее вызывающий, не соответствующий возрасту макияж, была бы совсем нормальной.

– Ну что, за знакомство?

Новый напиток Кате неожиданно понравился, хотя сначала ей не очень-то хотелось экспериментировать. Вкус она не поняла и не смогла бы его описать, но ощущение было приятным.

– Ты так на меня смотришь, будто я с луны упала, или наоборот – ты с луны свалилась, – сказала Лика после того, как они сделали по глоточку.

– Извини, – смутилась Катя, – просто как-то непривычно.

– Это как раз понятно, – согласилась Лика, – в вашей кукушкиной жопе девочки, наверное, в платках ходят, да?

Катя хотела было обидеться, но внезапно передумала. А что, разве не так? Как иначе их глушь назвать? Все правильно. Но и подшучивать над собой она Лике не позволит.

– Просто мне показалось странным, что ты в таком макияже и в такой одежде дома, – спокойно ответила она. – Такой внешний вид подходит для дискотеки или чего-то в этом духе. А дома... Ну странно как-то смотрится.

– Я всегда должна хорошо выглядеть, – не растерялась Лика.

– Ты смогла бы выглядеть не хуже и без накладных ресниц, – заметила Катя.

– А чего по сто раз макияж переделывать? – отмахнулась Лика. – Я, может, вечером куда-нибудь вырвусь, если компания сложится. У меня в последнее время с этим сложности, все куда-то разъезжаются, все чем-то занимаются, я одна тут сижу, как обезьяна.

Ее личико исказила недовольная гримаса.

«Отцепи ресницы, умойся и не будешь обезьяной», – про себя подумала Катя, но вслух сказала:

– Ты про поездку в Доминикану, которая у тебя под угрозой срыва, да?

– Да, и про это, и про все остальное, – недовольно пробормотала Лика. – Жизнь проходит мимо меня, вот что. А я сижу без действия, как дура.

Катя ничего не поняла. Лике 21 год. Если смыть с нее килограмм косметики, то она будет очень хорошенькой. Кроме того, она дочь более чем обеспеченных родителей, живет в прекрасном доме, катается по зарубежным курортам. Чего ей не хватает?

Лика налила еще текилы в тонюсенькие стаканчики. Выпила, не дожидаясь Кати. Впрочем, Катя быстро последовала за ней.

– Не знаю, поймешь ты меня или нет, – как бы раздумывая на тему, а стоит ли вообще откровенничать с этой деревенщиной, протянула Лика.

– Не хочешь – не говори, – ответила Катя, стараясь не показывать, что задета, – я на твои откровенности не претендую.

– Да ладно, ты не обижайся, просто я же вижу, что ты другая. Тебе будет неинтересно, – объяснила Лика. – Ты ненамного старше меня, а одета, между прочим, точно как моя мамаша. Она тоже брючки льняные и пиджачки себе покупает, маечки бледненькие носит. Но ей сорок пять, у нее уже выбора нет. А ты-то? Фигура у тебя нормальная, ноги вроде не кривые, хотя под штанами не видно, конечно. Ты-то че ходишь как бабка?

Катя опешила. Она никогда не задумывалась над тем, в какой манере она одевается. Раньше – потому что в ее глуши как ни оденешься, все одно. А сейчас она инстинктивно остановила свой выбор на одежде не очень броской и не очень обнажающей тело. Ходить в совсем уж короткой юбке ей было не очень удобно, и с голым животом она на улицу бы не вышла. Почему? Да кто его знает. Просто так.

– Может быть, ты слишком много думаешь об одежде? – подколола Катя новую родственницу. – Мне кажется, что это не самое главное.

– Конечно, не главное, это я просто так заметила, – спокойно ответила Лика, ничуть не обидевшись, – думаешь, я помешанная на шмотках, бестолковая дура, которая только глазами хлопает умеет?

Катя пожала плечами.

– Нет, это не так, – сказала кузина, – шмотки и ресницы – это все фигня. Сегодня я вообще специально так вырядилась. Папашу позлить лишний раз. У меня есть цель. Большая цель.

Лика умолкла, коснувшись своего стаканчика.

– Вот у тебя есть в жизни цель? – задала она Кате неожиданный вопрос. – Настоящая, большая цель? Ты, такая хорошая положительная девочка, в чем видишь смысл своей жизни?

За полчаса знакомства с родственницей Катя во второй раз испытала шок. Сначала, когда увидела размазанного ребенка, и во второй раз теперь, когда кукла Барби начала говорить о смысле жизни. Ну и девчонка, ей-богу!

– Ладно, мы с тобой, скорее всего, на океан вместе поедem, все равно будем общаться, так что скажу, – разрешила Лика свои сомнения, и еще через полчаса Катя узнала о неразрешимой проблеме, которая имеется в жизни Лики, и о цели, к которой она никак не может приблизиться.

С двенадцатилетнего возраста Лика мечтала стать эстрадной звездой. Она смотрела все телевизионные конкурсы, вместе с участницами пела их песни, наряжалась, делала себе сценический грим, вертелась перед зеркалом, просила маму делать фотографии. Взрослыми все это воспринималось как невинные детские мечты и забавы, через которые проходят многие девочки. Но Ликины страсти по эстрадным подмосткам становились все более реальными, они все глубже разъедали душу девочки. Она бешено ревновала всех начинающих звездочек, всех победительниц многочисленных «фабрик». Она уже не просто представляла себя на их месте, не просто задавалась вопросом: почему они, а не я? Этот вопрос из риторического постепенно стал главным вопросом ее жизни. Ну что ж, раз так, значит, нужно пробовать.

Когда Лике исполнилось семнадцать, Игорь договорился в музыкальном училище о прослушивании для дочери. Преподаватель, на которого он вышел через знакомых, имел замеча-

тельную репутацию, потому что не один его ученик сделал в столице блестящую карьеру, и имена этих учеников ныне были у всех на слуху. Понятно, что о поступлении в училище речь не шла: Лика даже музыкальную школу не закончила. Игорь хотел, чтобы девочку прослушали с одной понятной и простой целью – определить, есть у нее данные, которые можно развивать, или нет. Девочку прослушали, но вердикт был огорчительным: у Лики, увы, не имелось ни голоса, ни слуха. Но девочка была неумолима, она была убеждена, что нынешним эстрадникам большие вокальные данные не нужны, голоса обрабатываются компьютерными программами. Карьеру можно сделать, будучи абсолютно безголосым. Большинство сегодняшних исполнителей – вовсе не музыканты и не певцы, а коммерческие проекты. Убери фонограмму, позволяй им петь своим голосом, и от такого «вокала» здоровые зубы начнут болеть. Отец устал повторять, что подобные звезды – это однодневки, а петь под фонограмму унижительно и стыдно. И вообще – как это можно: упорно рваться в сферу, в которой тебя признали профнепригодным? Он был согласен, что некоторые коммерческие проекты на нулевых данных удаются, но ведь для этого требуются немыслимые деньги, нужно знать этот бизнес, иметь в нем вес и влияние. Иначе как можно из безголосой фальшивой куколки сделать звезду? А бросать деньги на ветер Игорь не хотел.

На какое-то время Лика поутихла, позволила отцу пристроить себя в коммерческий институт и даже сделала вид, что согласна с его мнением, что хороший менеджер никогда не останется без куска хлеба. Лика присмирела, но мечтать не перестала. Невозможно вот так, в одну минуту, взять и выбросить из головы то, что изъело мозг, источило весь организм.

Лика оформилась в очень хорошенькую девушку с ангельским личиком: тонкий носик, небольшой, но естественно припухлый рот, высокие брови, голубые глаза. Худенькая от природы девушка не позволяла себе ни сладкого, ни жирного, ни мучного. К счастью, ей хватило разума не впасть в истерию, которая доводила ее сверстниц до анорексии. Тайком от родителей она посещала танцевальные занятия, причем в последнее время предпочтение отдавала эротическому танцу. Лика не готовилась в стриптизерши, боже упаси, но считала, что сегодня умение эротично двигаться на эстраде чуть ли не главное. О карьере модели Лика не могла мечтать из-за невысокого роста, а фотомodelью ей становиться не хотелось. Что это за работа – часами употевать в фотостудии наедине с фотографом? Пусть даже потом ее фото и будут украшать глянцевые издания или рекламные щиты, но удовольствия такая работа не принесла бы.

Лика была одержима страстью к сцене. Ей хотелось выходить на нее и видеть перед собой зрительный зал, слышать аплодисменты, дарить воздушные поцелуи невидимым поклонникам, которые сгорают от желания при ее появлении. Она хотела блистать в самых популярных передачах, ей хотелось, чтобы ее личную жизнь, каждый ее шаг обсасывали многочисленные репортеры, чтобы за ней ежечасно охотились назойливые папарацци. Она хотела славы! Опьяняющей, огромной, как океанская волна! Но все эти желания оставались нереализованными, они рвали Лике душу, лишали ее радости жизни. Она послушно ходила в институт, училась на менеджера и не спорила с отцом, который рисовал ей совсем другую перспективу. Ведь Лике нравится путешествовать? Да, и скоро она получит диплом и сможет выбрать дополнительное образование по специальности «туризм». И если дочь проявит способности и желание, Игорь собирался вложиться в открытие нового бизнеса, туристического, рассчитанного специально на Лиду. Конечно, нужно будет найти подходящих партнеров, но все это решается, лишь бы дочь находилась в рамках адекватности.

Но в один прекрасный момент, после почти двух лет затишья у Лики окончательно «сорвало резьбу». Однажды она смотрела популярное телевизионное шоу и неожиданно увидела среди приглашенных свою одноклассницу, забубенную троечницу Светку Скоробогатко. Когда ведущий обратился к ней и дали крупный план, Лика чуть не разрыдалась. Светка теперь звалась Натой Хау, и у нее брал интервью один из самых популярных ведущих в стране! Оказывается, она снялась в новом сериале, который, собственно, и анонсировался в телешоу. Лика

поняла, что, когда этот сериал покажут на телевидении, к Светке придет настоящая популярность. Выглядела так называемая Ната обалденно! Три жидкие волосинки уложены так, что в жизни не подумаешь, будто у нее от природы средненькие волосы. Или нарастили так, что на экране не видно? И одета она совершенно отпадно. В общем, ни за что не скажешь, что эта модная начинающая московская звездочка – не кто иная, как дурында Светка, которая никогда не могла ни одеться нормально, ни вообще двух слов связать.

Ли́ка была в шоке! Как эта безмозглая серая мышь пробилась на федеральный канал? Приходилось признать, что от мыши Светки не осталось ровным счетом ничего – Ната Хау (тьфу ты, господи!) буквально сияла на экране – умеют же москвичи сделать из ничего конфету! Можно себе представить, что бы сделали из нее, из Ли́ки. Она-то ведь красивая от природы, яркая, не чета бледной поганке Светке Скоробогатько.

Ли́ка представила, как она бы выглядела после столичной «обработки», и закричала зубами, задрожала от накотившей злости. Она обзвонила знакомых и узнала, что Светка, оказывается, подалась в Москву еще год назад, одни говорили, что она удачно прошла кастинг, другие настаивали, что не обошлось без помощи влиятельного папика. Так или иначе безвкусная бестолочь Светка скоро станет звездой, а она, Ли́ка, так и будет бегать в обрыдлый институт, который ей не нужен, и прозябать в опротивевшей до озверения провинции.

О том, чтобы самой податься в столицу, не могло быть и речи – родители не пустят. Вернее, удержать ее никто не сможет – она взрослая, не наручниками же ее к батарее приковывать? Но денег не дадут, а без денег соваться в Москву глупо – на что там жить, пока будешь осматриваться?

Да и насчет себя и своих способностей Ли́ка тоже не обольщалась, смотрела на вещи здраво. С голосом действительно дела обстоят неважно. Предлагать себя как певицу с такими данными бессмысленно. Она хорошо танцует, двигается, она красивая, эффектная барышня, но такие в столицу едут вагонами. Надо идти другим путем. Ей необходимо сделать клип. Причем сделать его на свои деньги. И когда клип с ее участием будет готов, уже пытаться его продвигать и убеждать заинтересованных людей в том, что отсутствие талантов не имеет решающего значения. То есть весь смысл плана, разработанного Ли́кой и ее советчиками, состоял в том, чтобы предложить в Москве серьезным людям не личинку, а куколку, не сырье, а уже готовый материал, который лишь нужно продвинуть.

Но где взять деньги? Песня у известного композитора стоит слишком дорого. Но и здесь нашелся интересный музыкант, который готов был продать Ли́ке свою песню за вполне приемлемую сумму. Впрочем, фишка не в песне: можно подумать, что отечественная попса блещет оригинальностью мелодий. Да у всех два аккорда и три ноты, песни похожи одна на другую, потому что авторы дерут друг у друга нещадно. А может, потому, что эти, с позволения сказать, мелодии пишет все тот же компьютер. Прилижут их чуток, приукрасят, приделают пару дополнительных вздохов – и, считай, новая песня готова.

Но главное в клипе – показать Ли́ку во всей ее юной, свежей, здоровой сексуальности. Она и образ себе придумала, и позы, в которых смотрится выгоднее всего, выбрала, и движения, которые лучше всего у нее получаются. Продумала все: бездонные, обрамленные глубокими тенями глаза в сочетании с нежными детскими губами – этаким новейший декаданс... Впрочем, если специалисты скажут, что в тренде другое, то она, конечно, подчинится, беспрекословно и безоговорочно. Но все это рабочие моменты. Важно другое: где взять деньги?

Перед родителями Ли́ка позиционировала себя домашним ребенком, до поры до времени умело скрывала свои похождения по мальчикам. Она подумывала о том, чтобы завести серьезную интригу со взрослым обеспеченным мужчиной, который сможет осуществить ее мечты. Но это было не так просто. Взрослые мужчины с деньгами были готовы сделать хорошенькой девочке приятное: подарить дорогую шмотку или взять с собой за границу, но даже заговаривать на столь серьезную тему, как производство собственного клипа, с ними было невозможно.

В провинции никто таких серьезных вложений в незнакомую столичную отрасль делать не будет. На такое можно уговорить только очень близкого, родного человека. В случае с Ликой – это отец. А кто еще? Других вариантов у нее не было и быть не могло.

Лика исподволь готовила отца к разговору, но он делал вид, что вообще не понимает, о чем идет речь. И тогда девочка решила без всяких обиняков выложить родителю свой план.

Игорь выслушал дочь с таким лицом, что с самого начала стало понятно, каков будет его ответ. Но Лика не хотела сдаваться так просто, пусть он раздражен, пусть не верит в реальность ее затеи, но ведь не боги горшки обжигают. Она просто так не сложит лапки!

– Ты представляешь себе, о какой сумме идет речь? – спросил Игорь, когда дочь сформулировала свою просьбу.

– Да, я знаю, папа, это очень много, хороший клип стоит дорого, – твердо, по-деловому ответила Лика, – но шоу-бизнес – это большие деньги. Папа, ты же бизнесмен, ты понимаешь, что эти деньги – не подарок, это вложение.

– Отлично! – хмыкнул Игорь. – Мы вложим эти деньги, сделаем клип... Допустим, что я сошел с ума и сделаю такое. Что дальше?

– Дальше клип нужно будет продвигать, показать товар лицом, понимаешь? – затараторила Лика, лелея смутную надежду. – Но ведь это будет уже готовый продукт, люди увидят, что именно им предстоит раскручивать. Это уже не то же самое, что приехать в Москву с вытаращенными глазами.

– Я понял твою мысль, – перебил дочь Игорь, – но конкретно – дальше что? Кому ты покажешь этот клип? Кому предложишь? Где гарантии, что фирма, которая сделает тебе клип, не выпустит дерьмо? Ты всего лишь девчонка из провинции, пусть и с деньгами. Откуда уверенность, что на тебя будут работать так же, как на серьезных клиентов? Что клип оправдает затраченные средства? Что ты вообще в этом понимаешь? И кто будет заниматься твоим продвижением в Москве?

– Ну, для этого же есть специалисты, мы можем обратиться к ним, – неуверенно промямлила Лика.

– Каждый специалист стоит денег, и в этом бизнесе тем более, – отрезал отец, – ты и эти затраты заложила в производство клипа? Или это уже дополнительные платежи?

Лика промолчала.

– Милая моя, клип – это не все, – повернул к ней отец разгоряченное лицо, – клип – это только одна составляющая раскрутки исполнителя. Ты сделаешь клип, а он никому не будет нужен. Или, отчаявшись, выложишь его в Интернет в надежде, что им кто-то заинтересуется?

– Кстати, многие раскручивались через Интернет... – начала было Лика.

– Нет! Нет! И нет! Не надо делать из меня идиота! – заорал отец. – Я не шальной миллиардер, чтобы выбрасывать такие деньги на прихоти своей съехавшей дочурки! Я не имею возможности финансировать картинки, которые ты будешь выкладывать в Интернете! Я не собираюсь выдергивать из бизнеса серьезные деньги на чушь, которую ты мне здесь несешь!

– А что ты хочешь, чтобы я нашла себе богатенького папика, который будет меня спонсировать? – с вызовом прокричала дочь.

– Папика? – хмыкнул Игорь. – Да если бы у тебя был папик, хоть какой заваливающийся престарелый дурачок, ты бы в жизни ко мне с этим вопросом не подошла.

– Ах так! Я найду такого, можешь не сомневаться! – воскликнула дочка.

– Как найдешь, сообщи мне, я тебя поздравлю.

Лика поняла, что разговор дальше не пойдет.

– Ну папочка, ну ты же бизнесмен, у тебя чутье, ты сам всегда говорил, что у тебя чутье, – чуть ли со слезами начала причитать она, – неужели ты в меня не веришь? Неужели ты не хочешь, чтобы я стала звездой? Папа, я стану звездой, с твоей помощью или нет, но я своего добьюсь! Но если ты поможешь мне, то будешь потом собой гордиться. Поверь, я оправдаю все

твои вложения, папа. Ну посмотри на наших звезд: одну спонсирует папаша, другого – папаша. Куда ни плюнь...

– Я понял, о каких звездах ты говоришь, – твердо отчеканил Игорь, – но у этих детишек папаша – нефтяные и прочие магнаты, и порядок состояний у них несопоставим с моим уровнем. Ты понимаешь, бестолковая ты дура, что это разные уровни! Их возможности и мои – это небо и земля! Неужели ты настолько глупая, чтобы это не понимать? Или у тебя от твоих завихрений совсем мыслительный процесс разладился?

– Ничего у меня не разладилось! – в слезах кричала Лика. – Просто ты не хочешь мне помочь, ты в меня не веришь! Я бы верила в свою дочь и желала бы ей счастья!

– Счастья?! – гаркнул отец. – А ты уверена, что твоя затея обернется именно наступлением этого самого счастья? Ты не предполагаешь такой вариант, как разочарование? Глубокое и серьезное, которое повлечет за собой депрессию. Такой вариант ты не просчитывала?

Игорь заходил по комнате, нервно сжимая кулаки.

– Ты знаешь правду о себе, – чуть спокойнее сказал он, – была бы ты гениальным ребенком – другое дело. Был бы у тебя настоящий голос, талант, который нельзя зарывать в землю, я бы еще подумал. Но ничего этого нет!

Игорь разнервничался всерьез и ничуть не щадил чувства дочери.

– У тебя нет голоса, нет таланта, – продолжал он, – есть только одержимость стать одной из многочисленных безголосых шлюх, которые показывают свои задницы всей стране! Я не хочу, чтобы моя дочь была в их числе! Я презираю это стадо бездарностей, топчущих сцену в поисках богатых мужиков, которые обеспечат их жизнь. Вот во что ты предлагаешь мне вложить свои деньги! В поиск богатого козла, который будет тебя иметь и спонсировать! Но я бизнесмен, а не сутенер! И тем более не сутенер для своей дочери! Поняла?! И если я вкладываю деньги, то только в тот бизнес, в котором я что-то понимаю, который я изучил, о котором я имею представление. Я вкладываю только туда, откуда гарантированно извлеку прибыль. И я не один, у меня есть партнеры, с которыми я должен обсуждать свои предложения. Или ты хочешь, чтобы я и своим партнерам рассказал про твои амбиции? Если я верю в твое будущее, то только в будущее нормального человека, который перестанет, наконец, намазывать на морду килограммы косметики, а вместо этого закончит институт и займется настоящим делом. И все, больше никогда не заводи со мной подобных разговоров! Я больше не хочу об этом слышать!

Отец тогда громко хлопнул дверью своего кабинета, где происходил разговор, и еще долго старался избегать встречаться с дочерью даже за завтраком.

Рассказывая все это, Лика покраснела от гнева и обиды, в глазах заблестели слезы. Кате, с одной стороны, было очень жаль девушку, но ведь и отец ее прав: если бы она закапывала талант – другое дело, а так ведь это блажь, каприз, болезненная одержимость, которая может плохо кончиться в первую очередь для нее же самой. Да и потом для Игоря, наверное, это очень большие деньги, и он не может рисковать бизнесом и благополучием семьи. Катя постаралась найти правильные, не обидные слова, чтобы и утешить новую подругу, и найти объяснения отцовского отказа. Но только она начала говорить, Лика оборвала ее на полуслове, неожиданно спросив:

– Как тебя зовет дядя Боря? Катюша?

– Да, – пожала плечами Катя, – а что?

– Старушка Кэт – вот как я буду тебя звать, – сказала Лика, с вызовом глядя Кате в глаза и раздувая ноздри, – сколько тебе: двадцать три, двадцать четыре? А ты уже старуха! Рассуждаешь как старуха, вещички себе прикупила старушечьи. Кому я все это рассказывала? Такое может понять только тот, в ком горит огонь! Поняла? Огонь! Может, у меня нет таланта, но у меня есть огонь! Во мне он горит, а в тебе нет.

– Почему это? – возмутилась Катя.

– А что, не видно? – ухмыльнулась Лика.

И тут до Кати дошло, о чем идет речь. Она поняла, о чем говорит ее кузина, и неожиданно для себя самой выпалила:

– Есть огонь, просто я никому не рассказываю...

И в следующие несколько минут Лика узнала о Димочке, о знакомстве на остановке, обо всех мучениях Кати в те две недели, что он не звонил, и о сегодняшних страданиях, потому что звонка опять нет и, что делать дальше, Катя не знает.

– Так ты любишь своего Димочку, – со злорадством констатировала Лика, – ты влюблена как кошка, вот что я тебе скажу.

– Пожалуй, да, – согласилась Катя, запивая свое признание новой порцией текилы, – влюблена, нечего отрицать.

И тут с разукрашенной куклой произошло нечто удивительное. Лика удалилась в комнату и через несколько минут вышла в другом виде: в тех же трусах, выполняющих функцию одежды, но уже без сапог, без накладных ресниц и с изменившейся прической. Катя даже не сразу поняла, что Лика попросту вытащила из терема, который соорудила на голове, несколько составляющих, что мгновенно сделало ее похожей на нормального человека.

– Надоело, – пояснила она, – это я папашу позлить хотела. Я вообще-то меру знаю, но с некоторых пор прямо балдею, когда он свою рожу кривит. Даже хотела на лбу паука нарисовать, чтобы его кондратий хватил...

– Лика, ну что ты...

– Так вот, раз у нас пошел такой разговор, – вкрадчиво зашептала Лика, не обращая внимания на Катину реплику, придвинув свое кресло поближе к кухне, – значит, ты готова признать, что у человека может быть Цель. Не просто цель, а Цель с большой буквы, не всякие там дурацкие институты или подобная шняга, а настоящая Цель.

– Да, – уверенно ответила Катя, – я понимаю, о чем ты говоришь.

– Твоя цель – правильная она или нет – неважно, – продолжала удивлять Катю кузина, – важно другое: насколько сильно ты хочешь ее достичь. Я знаю, как сильно я хочу достичь своей цели, а ты? Насколько это для тебя важно? И что тебе нужно? Чтобы этот твой Димочка принадлежал тебе? Так ведь?

– Да, наверное, это так, – ответила Катя как под гипнозом.

– Ты очень сильно этого хочешь?

– Очень сильно, – твердо проговорила Катя, уже едва сдерживая слезы.

– Больше всего на свете? – не унималась Лика.

– Да. Я потом хотела тебе сказать, чтобы ты не обижалась: я не смогу поехать с тобой в Доминикану.

– Из-за него? Из-за того, что он здесь? – сразу же предположила Лика.

– Да, – кивнула Катя.

– Ну и ну, – протянула Лика, откидываясь в кресле, – отказаться от райского отдыха на халяву... Это жертва. Да, мать, у тебя все серьезно.

Лика позволила себе еще немного понаслаждаться Катиним унылым видом.

– А кстати, кто тебе сказал, что твоя цель достойная? – продолжала мучить ее настырная девчонка. – Ты ведь своего Димочку знаешь без году неделя. Может, он гнида какая-нибудь, может, он двух беременных девчонок бросил, может, он еще какое-нибудь чмо... Ты же ничего про него не знаешь! Но ты его хочешь, и тебе все равно, какой он есть. Так чем моя цель хуже? Объясни!

Катя была поражена логикой Лики. Она действительно не знает Димочку, не имеет представления о его личных и душевных качествах, да ей по большому счету и наплевать на них... Ей важно одно: чтобы Димочка принадлежал ей, только ей раз и навсегда. Все остальное не имеет значения.

– Скажи, старушка Кэт...

– Я не старушка! – взвизгнула Катя.

– Ладно-ладно, – примирительно кивнула Лика, – вижу, что с тобой еще не все потеряно. Хорошо, Катька, скажи, на что ты готова, чтобы твоя мечта осуществилась?

– На все! – не задумываясь ни секунды, ответила девушка.

– Ты уверена? – уточнила Лика, как-то странно улыбаясь.

– А что? Зачем тебе?

– Да нет, просто про себя я знаю, – пояснила Лика, уверенно глядя в глаза новой подруге. – Знаю, что я от своего не отступлюсь. Не хочет отец дать денег – не надо. Я возьму их сама. А теперь ты объясни – на что ты готова, чтобы добиться своего?

– На все, я же сказала, – повторила Катя.

– Чтобы добиваться своих целей, нужно руководствоваться не только желаниями, но и умом, – сказала Лика, – это папаша меня научил. Но он, правда, другие цели имел в виду. Если ты хорошо подумала, то, пожалуй, с тобой можно сварить кашу.

– Ты о чем? – недоуменно подняла брови Катя.

– Потом расскажу, еще не время. Пошли, нас уже снизу зовут.

Глава 4

Пока компания угощалась шашлыком и окрошкой, Кате позвонил Димочка и пригласил провести завтрашний воскресный день вместе. Катя была вне себя от счастья, всеми силами старалась скрыть дрожь в голосе и тут же сообщила Лике радостное известие.

– Потом расскажешь мне, как прошло ваше свидание, – сказала Лика, – насколько ты продвинулась к своей цели, о'кей?

– О'кей, расскажу, – согласилась Катя.

А почему нет? О приятном и рассказывать приятно. Да и с кем еще она может поделиться своими мыслями и переживаниями?

– Не говори пока, что ты не хочешь ехать в Доминикану, погоди недельку, – шепнула Лика.

– А что за неделю изменится? – пожала плечами Катя.

– За неделю может измениться многое, – таинственным шепотом провозгласила кузина, – заодно и посмотрим, на что ты готова ради своей любви.

– Ты что-то придумала? – выдохнула Катя прямо ей в ухо.

– Не щекотись, – отпрянула Лика, – провентилируй сначала своего красавчика и расскажи мне, тогда все и обсудим.

Воскресный день прошел восхитительно. Кате повезло с самого утра, когда она наобум, без записи побежала в салон красоты, который располагался на соседней улице, и ее приняли. Катя решительно по-новому уложила волосы, распрямив непослушные кудряшки.

Она очень волновалась, понравится ли Димочке столь радикальная перемена в ее облике, и чуть не заплакала, когда он ничего не сказал, увидев ее. Дима просто заметил, что она хорошо выглядит, и ни слова больше. Может быть, дело в том, что он уже больше шести лет живет в городе и просто привык, что здесь девушки часто меняют цвет волос и прически, и не обращает на это внимания? Или ему все равно?

Катя расстроилась, но потом день пошел своим чередом, и близость Димочки заполнила ее таким счастьем, что обида скоро забылась. Они посмотрели новый фильм, на летней веранде перед кинотеатром выпили вина и съели десерты, обсуждая увиденное, потом прошлись по городу, перекусили в недорогом кафе и отправились в общежитие.

Вечером Димочка проводил Катю домой. Они разговаривали, рассказывали друг другу о том, как прошла неделя, высказывали свое мнение о разных событиях, но об их отношениях не было сказано ни слова. Ни до секса, ни после него Димочка не произнес заветных слов, которых так жаждала девушка. Они просто хорошо провели время. Димочка был близко и вместе с тем где-то далеко. Он был доступен и недостижим одновременно. Его зеленые глаза смотрели на нее, но что было в них, Катя по-прежнему не понимала. Ее жгло и распирало изнутри, она хотела терзать любимого в объятиях, душить, готова была твердить ему о своей любви, ей хотелось кричать и плакать. Но всю эту бурю эмоций приходилось держать в себе, стараясь ничем не выдать своих чувств. Она пробовала заикнуться о поездке в Доминикану, «провентилировать», как велела Лика, почву. Но Димочка только вздохнул:

– Везет тебе. Побываешь на океане, в такой экзотической стране. Здорово!

– А ты хотел бы поехать на океан? – осторожно спросила Катя.

– Ну, мало ли кто чего хочет, – ответил Димочка, – мне такое удовольствие пока не по карману. На него сначала надо заработать.

– Но ведь я тоже на него пока не заработала, мне просто повезло, – проговорила девушка.

– Тебе повезло, что твой дядя – обеспеченный человек и захотел сделать такой подарок, – пояснил свою позицию Димочка. – И вообще ты – женщина, женщинам удобно принимать

подарки, а вот мужчинам это не совсем с руки. Так что мне на подобные удовольствия надо зарабатывать. Ничего, со временем и я смогу ездить на океан.

Катя разочарованно вздохнула. Как бы прекрасно ни прошел день, но ее любимый так и не стал ни на йоту ближе и понятнее. Он по-прежнему ускользал, не давая возможности понять, как он к ней относится и насколько сильно в ней нуждается. И нуждается ли вообще.

На следующий же вечер Катя обо всем подробно доложила Лике, сама удивляясь, почему идет за советом к девчонке, которая младше ее.

– Все ясно, – подытожила кузина, наряженная сегодня в прозрачную тунику и босоножки на десятисантиметровом каблуке. Юбочка если и присутствовала, то под туникой была незаметна: ноги Лики казались вообще не обремененными никакой одеждой.

Что ей было ясно, Катя не совсем поняла.

– Твой бойфренд зарегистрирован в каких-нибудь социальных сетях? – по-деловому спросила Лика. – Хочу посмотреть на него, чтобы хоть понимать фронт работ.

Катя кивнула, и Лика немедленно принесла ноутбук.

– Да, такого мальчика голыми руками не возьмешь, – вынесла Лика вердикт и задумалась. – Надо, чтобы он поехал с нами, – изрекла она после недолгих раздумий, – для мальчика из глухой провинции такое путешествие будет незабываемым. Представляешь, какие это для него впечатления! И все они будут связаны с тобой, детка.

– Об этом не может быть и речи, – печально покачала головой Катя, – устроить ему поездку совершенно невозможно. У Димы нет денег, а попросить дядю о том, чтобы он взял для меня две путевки, я не могу. Это будет уже чересчур, у меня даже язык не повернется.

– Конечно, не повернется, это будет уже слишком, – подтвердила Лика. – И вообще никого не надо ни о чем просить, это я уже поняла. Я вот попросила папашу – и что? Сiju как дерьмом облитая. Ни у кого не надо просить. Тебе надо – возьми сама. Или сделай так, чтобы сами предложили, сами дали.

– Как это? Я не представляю, – удивилась Катя.

Лика немного поиграла в таинственность, пощурила глазки, надувала губки, а потом придвинулась к Кате вплотную.

– Хочешь, я тебе помогу? – предложила она, загадочно улыбаясь. – Только сначала договоримся.

– О чем договоримся? – недоумевала Катя. – И как ты можешь мне помочь?

– Договоримся вот о чем, – деловито начала Лика, – если мы вместе, то мы вместе. Я помогаю тебе – ты помогаешь мне. У каждой из нас есть цель, но добиваться своих целей без чьей-то помощи трудно, с помощником легче. С помощником возникает сразу масса вариантов. Если мы вместе, то делаем друг для друга то, что потребуется. Только ты должна подтвердить, что ты готова на все, даже если тебе это покажется... как бы это сказать... необычным, может быть, некрасивым или каким-то еще. Ты готова?

– Наверное, да, – неуверенно пробормотала Катя.

– Никаких «наверное»! – отрезала Лика. – Или да, или нет. Если нет, забываем об этом разговоре и больше к нему не возвращаемся.

Катя понимала, что Лика ее во что-то втягивает, сковывает какими-то обязательствами, но так соблазнительно, так одурманивающе притягательно выглядела перспектива оказаться с Димочкой на берегу океана, так живо Катя представляла себе эту восхитительную картину, что сразу, не раздумывая, ответила:

– Да.

– А ты молодец, – сказала Лика, – уважаю. У тебя характер. Короче говоря, план такой.

План действительно подразумевал совершение некрасивого поступка. И Лика сразу же описала его суть.

– Ты говоришь дяде, что собираешься поступать в институт, в котором учусь я, он называется Институт менеджмента и права. На заочное отделение.

– А я что, действительно должна туда поступать? – удивилась Катя.

– Какая тебе разница? Ты ж все равно собиралась что-то делать, так на заочное пойдешь, – отмахнулась Лика. – А там учеба – не бей лежачего. Тебе же все равно надо чем-то заниматься, а это не худший вариант. Ты же сама говорила, что твой Димочка хочет когда-нибудь иметь свою ветклинику, а это, между прочим, бизнес, это не просто котам под хвост заглядывать. Вот тебе знания и пригодятся. Что – разве нет?

«Вот это девчонка, – пронеслось у Кати в голове, – как соображает! Я так далеко даже и не думала, а она уже вон какую перспективу видит! Вот это да, оторви и брось!»

И ее охватило внезапно возникшее, ранее неведомое чувство: Катя вдруг ощутила, что она сама строитель своей судьбы. Она почувствовала, что вздохнуть, лить слезы и мечтать она больше не будет. Во-первых, это болезненно, во-вторых, пустая трата времени ни к чему не ведет. Катя сама будет строить свое счастье. Лика все правильно объяснила ей про цель и про то, как ее нужно добиваться. Молодец, девочка! Теперь с Ликой или без нее Катя пойдет вперед. Может быть, даже напролом. Но своего она добьется. Лика правильно разграничила. Есть мечта, а есть цель, и между этими понятиями большая разница. Мечтают хлюпики и неудачники, а сильные люди добиваются цели.

– Так вот в августе будет дополнительный набор, мы как раз вернемся из поездки, – продолжала Лика, – обучение платное, так что берут всех, у кого есть бабки. У меня есть один знакомый, он тебе за триста баксов даст ответы по письменным работам, если ты боишься пару получить. Но вообще можешь и сама сдавать, они низкие оценки не ставят – зачем им студентов терять? Но это я знаю, а дядя твой – не знает. Ты ему говоришь, что надо подготовиться к экзаменам, что все забыла и так далее. Тут на сцену выхожу я и типа свожу тебя с нужными репетиторами, ну и опять же могу сказать про деньги за ответы по письменным работам, для подстраховки. Озвучиваем сумму в три с половиной тысячи баксов. Триста отдаем за ответы, остальное – твое. Покупаешь Димочке путевку, отдельный номер, но тот же отель и тот же рейс, и он едет с нами. Причем с этих денег у тебя еще остается на оплату его экскурсий и всякой там фигни по мелочи.

– А как же я объясню Димочке, откуда деньги? – покачала головой Катя, которая мгновенно загорелась, но сразу же потухла. – Он не возьмет, он не согласится.

– Да что ж мы дуры – ему такое говорить? – покрутила пальцем у виска Лика. – Ты ему говоришь, что мы с тобой едем по путевке, сообщаем, что была в агентстве, а там акция – розыгрыш одной бесплатной путевки. Ты просишь у него согласия испытать удачу, придумываешь что-то типа того, что в розыгрыше участвуют номера мобильных телефонов, просишь разрешения дать его мобильный для участия. Ну и его номер выиграет, конечно. Это уже мелочи. Ты скажешь, что сама оформишь путевку по выигрышу, он же работает, занят. Он ничего и не заподозрит, не парься. Это когда пакость какая-нибудь, тогда люди выискивают подвох. А когда такое приятное событие, ничего он допытываться не станет.

– А загранпаспорт? – не верила своим ушам Катя. – У него же нет загранпаспорта, я больше чем уверена.

– А у тебя он есть, бестолочь? – шикнула на подругу Лика.

– И у меня нет, – констатировала Катя.

– Так вот паспорт твой я делать буду, отец моей подружки – замначальника ФМС, поняла? Он за три дня сделает. А мне все равно, одну анкету ей отдать или две. Мы семьями дружим, ее мама у моего папаши работает. Ну что, идет тебе такой план?

У Кати закружилась голова, даже повело слегка. Наверное, сосудистый спазм от переизбытка эмоций. Вот так просто можно решить, казалось бы, неразрешимую проблему? Если сделать так, как предлагает Лика, – а она уверена, что все получится без сучка и задоринки, –

то все оказывается просто до неприличия. Конечно, нехорошо, что придется обманывать дядю, но это не смертельно. Лика права: если по любому поводу рефлексировать и обращать внимание на все препятствия, цели не достигнешь никогда. Обман Димочки – это и вовсе не обман, если делается ему во благо. Да и дядя так ли уж сильно пострадает? Для него три или три с половиной тысячи – не деньги, он человек состоятельный. У него и оклад на должности высокий, и еще завод прибыли дает.

Катя уже поняла по устройству дядиною быта, насколько он состоятелен и не стеснен в средствах: она краем уха слышала, сколько стоит его новый джип «Мерседес GL-500», она видит, что по вечерам дядя достает из своего шкафчика виски 20-летней выдержки, Катя с интересом рассмотрела этикетку. У дяди с деньгами все в порядке, он этой траты и не заметит, а для нее, для Кати, эти несчастные деньги могут иметь важнейшее значение. Ведь Лика и тут права: впечатление от такого путешествия не может не стать волнующим и ярким, такое событие будет очень значительным в жизни Димочки. И в этом ярком событии Катя будет занимать свое место. Более того, это событие произойдет с ним благодаря ей! Она, именно она, внесет в его жизнь столько радости!

Внезапно сердце сжалось: а вдруг Димочку не отпустят с работы? Нет, нет, такого не может быть! Если получится все остальное, то эту проблему они уж как-нибудь решат.

– Ну, так что ты решила? Затеваемся или нет? – спросила Лика, прищурившись, словно брала ее на слабо.

– Только одно условие, – четко ответила Катя, – мальчик мой. И ты на него рот не разеваешь.

– Ну, это само собой, – заверила ее Лика, – какой же смысл договариваться о взаимной помощи, чтобы вырывать друг у друга куски из глотки?

– Но ведь получится, что я с молодым человеком, а ты одна, – уточнила Катя, – тебе же будет неинтересно.

– Ой, ну ты даешь! – засмеялась кузина. – Тебя ко мне приставили, чтобы ты меня стерегла там, если что. О тебе же думают, что ты такая вся правильная. Я себе компанию найду за пять минут, ты не волнуйся.

Катя, оглядев полуобнаженную Ликину фигурку, подумала, что в этом подруга вряд ли ошибается.

– Тогда договорились, – решительно заявила Катя.

– Молодец, детка, я в тебе не ошиблась, – хлопнула ее по протянутой руке Лика. – Правильно говорят, что деревенские девки на ходу подметки рвут.

Глава 5

Исполнение ответственной первой части плана Лика взяла на себя. Учитывая, что времени у них не так много и растягивать процесс некуда, она явилась к ним на ужин в среду. Борис Георгиевич ужинал дома, с меню Катя расстаралась, как никогда, дядюшка был в хорошем расположении духа и воспринял известие о Катином решении поступать в Институт менеджмента и права весьма одобрительно.

– Быстро как ты нашу Катюшку уговорила, – улыбнулся Борис Георгиевич Лике, – она мне как раз недавно жаловалась, что не может решить, чем заняться, не может найти себе применения. А с тобой пообщалась и сразу нашла. Как тебе это удалось?

– Да я не особенно и агитировала, – улыбнулась хитрая Лика, – просто мы обсуждали нашу поездку в Доминикану, и я сказала, что папа хочет, чтобы я получила дополнительное образование по специальности «туризм», и тогда он откроет туристическую фирму. Специально для меня. Катка услышала и загорелась. А это она еще нигде не была! Сейчас съездит, увидит мир своими глазами, будет учиться, работать. В общем, мы с перспективой на будущее...

– Вот ведь какая ты умница, – ласково улыбнулся Борис Георгиевич, – а твой папа говорит, что ты все мечтаешь об эстраде.

– Мечтать не вредно, – проговорила Лика, намазывая на хлеб баклажановую икру, – пока мечтаешь, надо ведь и образование получать, и профессию, и о будущем думать.

– Молодец, Лика, – одобрил Борис Георгиевич.

– Папа просто любит преувеличивать, – закрыла тему девушка. – Ну так что: мне договариваться о Катке или на будущий год отложим поступление?

– Почему на будущий год? Зачем терять столько времени? – удивился Борис.

– Ну, у меня там, в институте, много добрых знакомых, – уклончиво ответила Лика, – говорят, в этом году ожидается приличный конкурс, а Катка ничего не помнит, может экзамены завалить.

– Должен же быть какой-то выход? – предположил дядя. – Может, с кем-то стоит договориться, чтобы помогли, раз у тебя там знакомые есть.

– Можно, конечно, – легкомысленно проворковала Лика, будто этот вопрос не имел какого-то особого значения, – но это уже деньги. Ее подтянут, там есть специалисты, которые знают, что будет в работах, и натягивают именно точно, но у них гонорары высокие. А можно просто купить ответы на письменные работы. А если на будущий год поступать, то она поступит сама, без репетиторов и взяток.

– Ты, Катя, сама как считаешь? – обратился Борис Георгиевич к племяннице.

– Год терять, конечно, обидно, но и деньги выбрасывать не хочется, – потупив взор, ответила Катюша, – наверняка ведь в копеечку выльется. Мне это будет не очень приятно. Я лучше позанимаюсь сама, вспомню все...

– Так, про деньги не пиши, – оборвал ее дядя, – я тебе про другое. Ты готова идти учиться сейчас? Морально готова?

– Конечно! Сколько можно без дела сидеть? – выпалила Катя.

– Тогда вопрос решен, – подытожил Борис Георгиевич, – сколько нужно денег на подготовку? И как вы будете готовиться, если вы уедете? Успеете? Или проще все же купить эти ваши работы?

– Тут надо комбинированно, – со знанием дела сказала Лика, – с кем-то так договориться, с кем-то эдак. Но сама она не сдаст, не получится.

– Лика, я могу положиться на тебя в этом вопросе? – серьезно спросил Борис Георгиевич. – Чтобы ты все решила и со всеми договорилась? В какую сумму это встанет?

– Думаю, тысячи в три или три с половиной.

– Долларов или евро? – уточнил Борис.

– Долларов, – ответила Лика, – если удастся дешевле, я сэкономлю.

– Ты договаривайся, чтобы гарантия была, а не экономия, – сказал Борис Георгиевич. – После ужина я дам тебе три с половиной тысячи, и ты, пожалуйста, займись этим завтра же. Сможешь?

– Конечно, дядя Борис, – ответила Лика, – о чем разговор, если мы хотим успеть, Катю нужно немедленно начинать готовить.

– Ну и отлично.

Всю ночь после этого разговора Катя не спала. Она так нервничала, так боялась, что ничего не выйдет, что сон не шел.

Успех следующего этапа зависел от нее. Сможет ли она обмануть Димочку? Удастся ли ей усыпить его бдительность? И вдруг Катю пронзило внезапное и остро-болезненное озарение: а если он не захочет ехать с ней? Если он вовсе не мечтает провести именно с ней две недели? Если даже перспектива экзотического отдыха его не прельстит? Слезы мгновенно потекли по щекам, но Катя постаралась взять себя в руки. Если это окажется так, значит, в дальнейшей борьбе за Димочку смысла нет. Завтрашний день будет решающим. Завтрашний день будет очень важным в ее жизни.

Для непринужденной беседы с Димочкой в будний день требовался повод. Все должно выглядеть естественно, будто Димочке улыбнулась сама судьба, а вовсе это не Катины и Ликины интриги.

Повод Катя нашла мирно спящим на диване и не ожидающим никакого подвоха. У дяди Бориса жили две пушистые сибирские кошки – мать и дочь, Эсмеральда и Клеопатра, в быту Симка и Клепа. Катя подготовила кошачью клетку до того, как кошка почувствовала неладное, ласково взяла ее на руки и коварно усадила в переноску. Симка возмутилась, издала ругательный вопль, попыталась царапнуть руку обидчицы через прутья, но было поздно. Катя вызвала такси и поехала в центр.

– Димочка, посмотри, пожалуйста, Симку, ее постоянно тошнит, – сказала Катя, как только ее друг освободился.

– А чем ее рвет: шерстью, слизью или едой? – задал дежурный вопрос ветеринар.

– Да когда как, – ответила Катя, застигнутая врасплох, она не знала, как правильнее сказать, чтобы ложь о самочувствии кошки не раскрылась.

– Выглядит совершенно здоровой, – пожал плечами Дима, ощупывая кошачий животик, – ее рвет такими шерстяными колбасками?

– Да-да, – поспешно кивнула Катя.

– Это не страшно, сейчас лето, кошка линяет, вылизывается, много лишней шерсти, она ведь пушистая, вычеши ее как следует. Убери лишний подпушек.

Заодно он провел полный осмотр зря прокатившейся кошки, порекомендовал новые витамины. Пора было уходить.

– Я вызову такси, – сказала Катя, – у тебя можно подождать?

– Сейчас посмотрю, – ответил Дима, выглядывая в коридор, – вроде никого нет. Посидите пока у меня.

– Слушай, что расскажу, – с самым непринужденным видом начала Катя, – мы вчера с Ликой ходили в турагентство, оформляли путевки. А там идет акция. Фирма объявила розыгрыш бесплатных путевок. Там несколько стран: Испания, Греция, еще какие-то, но в том числе и Доминикана, разыгрывается путевка как раз в тот же отель, в который мы едем. Давай поучаствуем, вдруг ты выиграешь? Бывает же такое!

– Со мной не бывает, – усмехнулся Димочка. – Я никогда ничего не выигрывал и вообще не верю в халяву. С какой бы им стати дарить кому-то дорогостоящую путевку.

Катя растерялась.

– Лика знает условия этой акции, я не очень в курсе, – залепетала она. – Я же сама первый раз еду, я в этом не разбираюсь. Наверное, какой-то смысл есть, раз разыгрывают. Везде же промоакции идут, кругом надо собирать крышечки, этикетки, еще что-то...

– Вот это как раз понятно, – согласился Дима, – так компании увеличивают продажи. Пока ты найдешь выигрышную этикетку, ты купишь товара на сумму, большую, чем сам подарок. А тут что? Какой смысл в таких розыгрышах?

– Понятия не имею, – разозлилась Катя. – Откуда я знаю, что я, менеджер по продажам, что ли? Разыгрывают – значит, смысл есть.

– Не верю я в это, – отмахнулся Дима.

– Я, если честно, тоже, но хочется проверить свою везучесть, – как бы между прочим сказала Катя, – мне как раз всегда везет. Хочешь, я поучаствую в розыгрыше за тебя? Заполню твою анкету, и она примет участие в розыгрыше, почему нет? Чем ты рискуешь? Один шанс из тысячи, конечно, но вдруг он окажется твой? Я везучая, еще раз говорю.

– Да ради бога, заполни, мне-то что, – ответил Дима, – только все это туфта.

– Может, ты просто не хочешь поехать? Тогда другое дело, – выпалила Катя самое страшное.

– Почему не хочу? – удивился Димочка. – Кому же не хочется поехать в экзотическую страну, да еще и бесплатно? Просто чудес не бывает. Во всяком случае, я в это не верю.

– Ну, заодно и проверим. Розыгрыш у них завтра, так что долго гадать не придется.

Когда Катя сообщила Диме результаты «акции», он, конечно, не поверил.

– Катька, что за шутки? – сказал он недовольно. – Я не понимаю, что за ерунду ты говоришь.

– Ну какую такую ерунду, Дим! – вопила Катя в телефонную трубку. – Я совершенно серьезно. Я же говорила, что я везучая! Нам нужно встретиться, потому что у тебя нет загранпаспорта, а его нужно оформить немедленно. Потому что уже скоро уезжать. Отпросись завтра с работы на утро, нам нужно подать документы в ФМС.

– Я ничего не понимаю, – не унимался Димочка, – что такое ФМС?

– О господи! Да это Федеральная миграционная служба! Нам срочно нужно сделать паспорта! Там договорились по блату, нам сделают быстро. Димочка, я завтра жду тебя в девять утра по адресу... Ты меня слышишь? Записывай...

Когда наутро они встретились у здания областного управления ФМС, Дима имел все тот же странный и недоверчивый вид.

– Я ничего не понимаю, – сказал он, – это не шутки? Что это за странные розыгрыши, ей-богу? Мне все это не нравится, у меня такое ощущение, что ты выклянчила у дяди деньги на вторую путевку для меня. Это неправильно. Я не поеду.

– Да ты что! – у Кати округлились глаза. – Я бы никогда не посмела, да и дядя вообще не знает о твоём существовании.

– Это точно?

– Да ты что, Димочка? – девушка схватила его за руки. – Это просто удача, неслыханная, изумительная удача! Такая, какая бывает только в кино...

– Вот именно... – заметил Дима.

– Но почему ты не веришь в свою счастливую звезду? Почему ждешь от жизни только гадостей? – Катя уже почти умоляла его. – Почему ты думаешь, что удача – это то, что никогда не может достаться тебе? Димочка, тебе просто повезло!

– И что, разыгрывался тот же самый отель, куда едете вы? Просто таких совпадений не бывает.

– Да нет, почему же, – сказала Катя, опустив голову. – Выигрыш пал на тебя, ты сам вправе выбрать маршрут, там было несколько вариантов. Просто я подумала, что раз я еду в Доминикану, то мы могли бы вместе... Но если ты не хочешь, то ты можешь сам решить, куда поехать. Я отдам тебе твой выигрышный купон, ты пойдешь в агентство и скажешь, какое направление выбираешь.

Катя опустила голову, начала лихорадочно рыться в сумке.

– Кажется, он остался дома, – сказала она, шмыгнув носом, – или нет... Купон у Лики, я сейчас ей позвоню, и мы заедем к ней, ты сможешь его забрать.

– Ну что ты, Катя, – засуетился Дима, – я не хотел тебя обидеть!

– Ты уже это сделал, – ответила Катя, не глядя ему в глаза, – я хотела как лучше, хотела сделать тебе приятное, попытаться счастья. Мне повезло, а ты... Все, дальше – твое дело, поступай со своим выигрышем как хочешь.

– А когда выезд? – спросил Дима.

– Восемнадцатого июля, – тихо проговорила Катя.

– Так это вообще-то уже совсем скоро, ты уверена, что нам сделают паспорта? Ведь остается совсем мало времени...

– Я же тебе сказала, что по благу...

– Никогда не мог бы подумать, что в жизни такое случается, – улыбнулся Дима, – если бы не со мной произошло – не поверил бы. Придется распечатать свой заглазник...

– Димочка, это пятизвездочный отель, работающий по системе «все включено», – стала объяснять Катя, – то есть ни на еду, ни на напитки деньги тратить не нужно.

– Ну все равно, надо доехать до Москвы и обратно. И там мы же будем ездить на какие-то экскурсии, покупать сувениры. Я по осени хотел квартиру снять, деньги отложил. Ну да ладно, квартира подойдет, покантуюсь еще в общежитии, такая удача все-таки случается не каждый день. Ей-богу, не поверил бы, если бы кто-то другой...

Следующие недели были самыми счастливыми в жизни Кати Скворцовой. Лика составила ей список того, что нужно купить, и пометила, где все это можно приобрести. Катя выполняла все предписания, и каждая из покупок доставляла ей истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Она покупала кремы от загара, короткие шорты, парео, шлепанцы. Но главное – выбирала купальник. С этой проблемой она провозилась долго: методично обходила все магазины, и все ей было не так. А потом неожиданно повезло, и она купила в одном магазине сразу два: один – откровенные бикини, другой – элегантный черный сплошной, украшенный рисунком из черных стразов. Купальник тоже был весьма сексуальным, выгодно подчеркивающим изгибы тела.

Перед дядей Катя старательно делала вид, что посещает некие занятия, по вечерам несла какую-то чушь о будущей учебе и работе, но мысли ее были только об одном. Очень скоро они с Димочкой сядут в самолет, она ощутит – совсем как тогда в автобусе – свежий, упоительный запах его тела, возьмет его за руку. И долгих двенадцать часов они будут вместе. Они будут сидеть рядом, как сиамские близнецы, и она будет слышать каждый его вдох, она опять будет смотреть на него спящего... О боже, какое это счастье!

«А ведь ты, Катюша, поганка, гнусная обманщица, – говорила она себе, – развела дядю на деньги, обманула, лишь бы побыть со своим драгоценным мальчиком. Это очень нехорошо, очень некрасиво. Стыдно тебе должно быть, маленькая дрянь».

Но стыдно не было. Ни капли, ни одной минуты. Она жила предвкушением такого огромного счастья, что ей было, право же, совсем не до мелкого, никому не нужного стыда.

Глава 6

Всю дорогу до Домодедовского аэропорта Катю колотил нервный озноб. Ей все время казалось, что что-то может сорваться, что-то может пойти не так, что в последнюю минуту произойдет что-то непредвиденное. И только когда она увидела на табло номер своего рейса и многоопытная Лика показала направление, куда им двигаться на регистрацию, Катю отпустило.

«Хоть бы время шло помедленнее», – думала она, наслаждаясь каждой секундой, проведенной с Димочкой, жадно впитывая каждое мгновение его близости.

Лика, на удивление, выглядела прилично: одеться ее, конечно, заставить было нельзя, на ней были все те же трусы и топик, обнажающий пупок, но в остальном она смотрелась как нормальная девушка – в дороге не особенно разгуляешься. Хотя Димочке вполне хватило ее татушки, колокольчика и трусов, пока Лика не видела, он изобразил на лице такую мину, что Катя, до сих пор испытывавшая сильное волнение по поводу Лики, перестала беспокоиться: кузина явно не в Димочкином вкусе.

Под руководством Лики компания прочесала магазин беспошлинной торговли, где были закуплены различные напитки, Лика посоветовала взять орешков и шоколада, потому как лететь долго, а кормят в самолетах тошнотворно. Перед вылетом они дружно чокнулись стаканчиками с виски за удачный перелет.

Они летели огромным двухпалубным «Боингом», забитым до отказа. Лика сказала, что вообще большое счастье, что удалось забронировать путевки всего за две недели до отлета, обычно это нужно делать месяца за два, иначе ни мест в отеле, ни билетов на самолет не остается. А им просто сказочно повезло. Катя все время шикала на подругу и бросала на нее испепеляющие взгляды, чтобы та невзначай не проговорила при Диме, и Лика вообще решила свернуть щекотливую тему – а то и правда можно ляпнуть что-то не то.

Гигантский «Боинг» плавно летел над облаками, Димочка тайком от стюардов разливал виски, Лика читала какой-то роман в мягкой обложке, а Катя просто блаженствовала. Они еще не прилетели в удивительную страну сальсы и белого песка, еще не видели океана, а она уже изнемогала от счастья.

«Неужели все это происходит со мной? – думала она. – Ведь еще два месяца назад я сидела в своей «кукушкиной жопе», как говорит Лика, обходила козьи кучи и даже не представляла, что можно вот так, как сейчас, лететь на огромном самолете, смотреть в иллюминатор на ослепительно-голубое небо, пить виски и класть голову на плечо мужчине, красивее которого нет на всем свете. Это не может быть правдой! Неужели это моя жизнь?»

С этими мыслями Катя заснула и проснулась, только когда самолет начал снижение.

Аэропорт Пунта-Кана поразил всех: и неопытных Катю с Димочкой, и даже опытную Лику. Собственно, самого здания не было, паспортный контроль и выдача багажа – все происходило на открытом воздухе. Вместо стен – огромные, вбитые в землю деревянные колонны, которые сверху, вместо крыши, покрыты слоями какого-то утрамбованного тропического растения. Зато сюда задувал ветерок, что по жаре оказалось очень даже кстати.

А дальше началась настоящая сказка. В голове Кати, еще туманной от сна и выпитого в самолете виски, пошло словно слайд-шоу: огромный попугай с яркими перышками встретил их на пороге отеля; просторный холл с низкими столиками, за которыми люди в шортах и майках лениво потягивали разноцветные коктейли – это ресепшен, где Лика деловито оформила получение их номера, а Дима – своего. Потом поездка на отельном паровозике между двухэтажными домиками. Перед глазами изумленной Кати мелькали прудики с настоящими розовыми фламинго, сердитый павлин, гордый покой которого они потревожили клаксоном,

бассейны с визжащими от восторга детьми и всюду – стройные пальмы, кроны которых ласково шуршали далеко в вышине.

Когда они заселились в свой номер, силы уже были совсем на исходе. Все-таки поездка до Москвы, потом аэропорт, долгий перелет – все это может утомить даже молодых и здоровых. Катя с Ликой только и успели смыть с себя дорожный пот, как в номер постучал Димочка.

– Девчонки, хорош валяться, пошли на пляж. Мы же еще океан не видели. Я уже более-менее сориентировался, наш корпус совсем недалеко от моря.

– Я немного полежу, устала, – лениво протянула Лика, – а ты, Катька, иди.

К океану Катя с Димочкой шли, взявшись за руки. Оказалось, их корпус расположен очень удобно: до пляжа ходьбы минуты три, до главного ресторана, который виднелся по левую сторону, тоже рукой подать. Но осмотреть территорию они еще успеют – а пока очень уж хотелось погрузиться в воду, смыть с тела многочасовую усталость.

Катя смотрела на океан как зачарованная, ничуть не стесняясь слез восторга, потому что зрелище это было поистине величественное. Атлантика была прекрасна. Бирюзовая вода сверкала на предвечернем солнце, запах океана затапливал легкие, озорной соленый ветер трепал волосы, разгонял тропическую жару. Несколько минут они не могли пошевелиться и молча стояли под пальмой, изогнувшейся, словно рука, протянутая к воде. Потом пошли по бело-снежной муке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.